

ДОДИ

*Нечасто попадают такие
обаятельные рассказчики,
как героиня этой книги.*

Дж. К. Роулинг

СМИТ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

**Я ЗАХВАТЫВАЮ
ЗАМОК**

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Доди Смит

Я захватываю замок

«АСТ»

1949

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Смит Д.

Я захватываю замок / Д. Смит — «АСТ», 1949 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-109544-4

Юная Кассандра Мортмейн, решив оттачивать литературное мастерство, начинает вести дневник. Она пишет о своей семье – остроумно, иронично, трогательно, временами наивно. Ее семья – красавица-сестра, рассудительный брат-школьник, экстравагантная мачеха и отец, знаменитый писатель, автор лишь одного романа, – живет в полуразрушенном английском замке, взятом в аренду, и с трудом сводит концы с концами. Запахи трав, таинственный свет звезд, романтика классических английских пейзажей... Приезд двух молодых американцев, наследников соседнего имения, разрушает привычный уклад. Главное – приходит первая любовь...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-109544-4

© Смит Д., 1949

© АСТ, 1949

Содержание

Часть первая. Тетрадь за шесть пенсов	6
Март	6
I	6
II	10
III	18
IV	25
V	34
Часть вторая. Тетрадь за шиллинг	43
Апрель и май	43
VI	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Доди Смит

Я захватываю замок

Dodie Smith
I CAPTURE THE CASTLE

© Dodie Smith, 1949 Школа перевода В. Баканова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Часть первая. Тетрадь за шесть пенсов

Март

I

Я сижу в раковине. Точнее, на сливной полке, накрытой собачьей подстилкой и стеганым чехольчиком для чайника, – в раковине только ноги. Не слишком-то удобно – да еще противно пахнет едким карболовым мылом, – но податься некуда: лишь в этом углу кухни пока светло. К тому же новое место меня всегда вдохновляет. Например, свое лучшее стихотворение я сочинила на крыше курятника. Хотя, если честно, оно так себе. С поэзией у меня не очень, поэтому стихов я больше не пишу.

В бочку у черного хода со звонким шлепаньем срывается с крыши вода. Пейзаж за окнами невыносимо уныл: мокрый сад, полуразрушенная каменная стена, ров, а за ним – раскисшие поля, убегающие вдаль к свинцовому горизонту. Ничего, пусть льют дожди! Растениям полезно. И вообще, вот-вот нагрянет весна. На деревьях появятся листочки, над двором засверкает солнце... Увы! Чем больше зелени и золотого сияния рисует фантазия, тем бесцветнее и тоскливее кажутся сумерки.

Уж лучше смотреть на пылающий очаг, возле которого моя сестра Роуз уютит белье. По-моему, ей уже ничего не видно. Как бы не прожгла свою единственную ночную рубашку! (У меня-то их две, хотя у одной не хватает спинки.) Румяная от природы, в свете очага Роуз особенно прелестна: нежная кожа отсвечивает бледно-розовым, даже пышные золотистые кудри с розовым отливом. Красавица – глаз не отвести! Только вечно недовольна и жалуется на жизнь. Скоро ей исполнится двадцать один.

Мне семнадцать. Выгляжу я младше своих лет, а чувствую себя старше. У меня правильные черты лица, но с Роуз мне не сравниться.

Итак, две девушки, уединенный загадочный дом... По-моему, ужасно романтично! Немедленно делюсь мыслью с сестрой. А она фыркает: ничего, мол, романтичного – сидим взаперти в осыпающейся развалюхе посреди хлюпающего океана грязи. Да, пожалуй, жить здесь – безрассудство. И все-таки я обожаю это место! Дом построен еще во времена Карла Второго, прямо на руинах средневекового замка, разрушенного Кромвелем. Вся восточная стена – часть кладки четырнадцатого века; даже две круглые башни по краям уцелели. Уцелела и высокая ограда, что тянется от дома к воротам – те до сих пор как новенькие. На соседнем холме гордо возвышается башня Вильмотт, останки еще более древней крепости. Впрочем, подробнее наш необычный дом я опишу позже, быстро с этим не управиться.

Дневник я веду по двум причинам: хочу совершенствовать недавно освоенное искусство стенографии и научиться писать романы. Расскажу о семье, добавлю диалогов. Чем стремительнее ход событий, тем, наверное, лучше: просто летишь вперед без излишних рассуждений! Мои прежние истории тяжеловесны и неуклюжи. Отец как-то снизошел, прочитал одну; по его мнению, напыщенный слог перечеркивает все потуги на юмор. Он посоветовал мне расслабиться, дать словам волю – пусть сами льются на бумагу.

Знать бы, где открываются шлюзы, чтобы слова полились у отца! Давным-давно он написал удивительную книгу под названием «Борьба Иакова», смесь поэзии и философии. Роман приняли «на ура», особенно в Америке. На лекциях по книге отец заработал уйму денег. Кажется, еще чуть-чуть – и быть ему великим писателем! А он вдруг забросил перо и бумагу. Мать считала, это из-за случая, приключившегося, когда мне шел пятый год.

Выступив по второму кругу с лекциями в Америке, отец вернулся к нам, в уютный домик у моря. Погожим деньком мы пили в саду чай; отец вознамерился отрезать кусок пирога и вдруг – так некстати – рассердился на мать. Вспылил, раскричался. Досужий сосед, увидев, как он яростно размахивает столовым ножом, прыгнул через ограду, чтобы усмирить «буяна»... и кувыркком полетел на землю. От отцовской оплеухи.

На суде отец объяснял, что убивать женщину серебряным ножом для торта – дело долгое и утомительное, таким оружием разве только запилишь до смерти. Умора, правда? Все веселились и наперебой упражнялись в остроумии. Кроме соседа. Но отец совершил непростительный промах – «переострил» судью. Обвинение в намерении зарезать маму с него сняли, а вот за пострадавшего соседа (тут-то не поспоришь) дали три месяца тюрьмы.

В назначенный срок он вышел на свободу. До чего же улучшился его характер! Более милого человека и вообразить было нельзя! В остальном отец, на мой взгляд, не переменялся. Однако, по воспоминаниям Роуз, именно тогда у него появилась склонность к замкнутости. И идея арендовать на сорок лет старые развалины: где же замыкаться, как не в замке! Мы переехали. Отцу полагалось засесть за новую книгу, но... Шли дни, недели, месяцы, а он не написал ни строчки. Даже не прикасался к бумаге, как мы вскоре поняли. Разговоры о работе пресекались им на корню.

Большую часть времени отец проводит в караульне над воротами – дни напролет читает детективы. Зимой там жутко холодно, потому что нет камина, приходится греться у керосинки. Книги приносит из деревенской библиотеки учительница, она же библиотекарь, мисс Марси. Мисс Марси от отца просто в восторге, а о его мрачном состоянии духа говорит так: «В железо вошла душа его»¹.

Вот с чего бы душе бодрого, деятельного человека вроде отца столь прочно «войти в железо»? Всего-то за три месяца заключения! Когда он освободился из тюрьмы, энергии в нем как будто оставалось немало. Теперь от врожденной веселости и жизнелюбия нет и следа; стремление к одиночеству напоминает болезнь. По-моему, отца даже домашние нервируют. Обычно он либо хмур, либо раздражен, лишь иногда – что еще ужаснее – разыгрывает радость и оживление. Лучше бы впадал в ярость, как раньше. Бедный, бедный папа! Безумно его жаль. Хоть бы в саду понемногу возился...

Конечно, это неполный портрет отца. Обязательно вернусь к нему позже.

Мать умерла восемь лет назад. По естественным причинам. Думаю, она была женщиной тихой и неприметной, потому что на фоне прочих воспоминаний детства ее я помню очень смутно. (Например, сцену с ножом до сих пор вижу как наяву – я еще стукнула упавшего соседа деревянным совочком; отец уверял, будто это стоило ему дополнительного месяца тюрьмы.)

Три года назад (или четыре? если не ошибаюсь, приступ общительности приключился у отца в 1931 году) у нас появилась мачеха. Ну и удивились же мы с Роуз! Новая жена отца – известная натурщица. Зовут ее Топаз. Якобы так окрестили родители. Что ж, всякое бывает. Но закон ведь не обязывает по гроб жизни носить подобное имя? Она поразительно красива; у нее роскошные почти белые волосы и очень бледная кожа. Косметикой Топаз не пользуется, даже пудрой. В галерее Тейта есть две картины с ее изображением: «Топаз в нефрите» Макморриса (там она в великолепном нефритовом колье) и полотно Г. Дж. Алларди с обнаженной Топаз на старом диване, обитом конским волосом (страшно колючем, по ее словам). Называется «Единение». Правда, художник придал белой коже мачехи столь мертвенный оттенок, что скорее подошло бы название «Разложение».

Ее бледность не болезненна – скорее необычна, словно у представительницы неведомой расы. Голос у Топаз низкий, глубокий. Не от природы, а как часть богемного образа; из того же разряда ее увлеченность лютней и занятия живописью. Впрочем, мачеха очень добра и

¹ Псалом 104:18.

превосходно готовит. Я ее обожаю... Вот только написала это – и она показалась на лестнице в кухню. Разве не чудесное совпадение?! На ней старомодное оранжевое платье свободного покроя; светлые прямые волосы струятся по спине до самой талии.

– А-а, девочки... – с непередаваемой мелодичной интонацией бархатисто произнесла Топаз с верхней ступеньки и зашагала вниз.

Теперь она сидит на стальном треножнике, переворачивает дрова в камине. От пламени ее лицо порозовело; в нем больше нет ничего «неземного», и все-таки оно изумительно. Топаз двадцать девять лет, но выглядит она значительно моложе – вероятно, из-за бесстрастного выражения лица. Брак с отцом у нее по счету третий (о первых двух мужьях она почти не рассказывает).

В кухне сейчас очень красиво. За каминной решеткой и в круглом отверстии плиты, не прикрытом заслонкой, ровно полыхает огонь. По беленым стенам пляшут красноватые блики. Даже темные балки под крышей отливают тускло-золотым – до самой высокой из них больше тридцати футов. И в этой огромной раскаленной пещере темнеют две крошечные фигурки: Роуз и Топаз.

Взгромоздившись на решетку, сестра ждет, когда нагреется утюг, и недовольно посматривает на мачеху. Угадать ее мысли нетрудно: она восхищена оранжевым нарядом Топаз и с ненавистью думает о своих выдавших виды блузке с юбкой. Бедняжке Роуз всегда не нравится то, что у нее есть, и хочется того, чего у нее нет. Конечно, мой гардероб тоже убог, но меня это не слишком занимает.

Гляжу на сестру с Топаз – и сердце радуется. Сама не знаю почему. Здорово, что в любой миг можно пересечь от холодного окна к огню и погреться вместе с ними!

* * *

О боже, Роуз и мачеха поскандалили! Сестра предложила ей поехать в Лондон подзаработать денег. Топаз ответила, что овчинка выделки не стоит: жизнь в столице безумно дорога. И это истинная правда. Накопить ей обычно удастся разве только нам на гостинцы – делать подарки она обожает.

– К тому же два художника, которым я позирую, сейчас за границей, – добавила Топаз, – а работать с Макморрисом я не люблю.

– Почему? – спросила Роуз. – Он ведь платит больше остальных?

– Разумеется. Он богат, – ответила мачеха. – Мне не нравится, что он рисует лишь голову. Как говорит ваш отец, художники, которые пишут меня обнаженной, думают о работе, а Макморрис пишет лицо, но думает о теле. И хлопот он доставил мне куда больше, чем стоит знать Мортмейну.

– Ради денег, – начала сестра, – можно примириться с мелкими неудобствами.

– Вот сама, милая, и мирись!

Роуз ужасно разозлилась: с такими «неудобствами» ей столкнуться явно не грозило.

– С превеликим удовольствием! – картинно вскинув голову, заявила она. – К вашему сведению, я уже давно подумываю продаться. В крайнем случае, стану уличной женщиной...

Я заметила, что в саффолкской глуши и улиц-то нет.

– Если наша добрая Топаз одолжит мне денег на билет до Лондона и даст полезный совет...

Топаз невозмутимо сказала, что проституцией никогда не занималась, о чем весьма сожалеет, так как «лишь достигнув дна, поднимаешься вверх». Один из «топазоризмов», переварить который можно только по большой любви.

– В любом случае, – добавила она, – тяготы безнравственной жизни не по тебе, Роуз. Раз не терпится себя продать, выбери состоятельного мужчину и самым благопристойным образом выйди за него замуж.

Естественно, Роуз посещала такая мысль. Ей, правда, хотелось, чтобы мужчина был при том красив, романтичен и обаятелен.

Сестра вдруг разрыдалась. Наверное, от отчаяния: где же в наших полях встретить холостяка брачного возраста – пусть нищего, пусть уroda?! Плачет она нечасто, от силы раз в год; по-хорошему, мне бы подойти ее утешить, но я тороплюсь описать происходящее. Похоже, черствость и беспристрастность – часть писательского ремесла.

Утешила ее Топаз, ласково, по-матерински. У меня бы так ловко не вышло: не умею я укачивать страдальцев в объятиях. Слезы у Роуз текли ручьем, заливая оранжевое бархатное платье мачехи. Чего только не вытерпел несчастный наряд в свое время!

Позже сестра будет на себя злиться за проявленную слабость – есть у нее недобрая привычка смотреть на Топаз презрительно, сверху вниз; однако сейчас между ними царит мир.

Тихонько всхлипывая, Роуз сворачивает глажку. Мачеха накрывает к чаю стол, размышляя вслух, где бы взять денег. Одна идея нелепее другой: например, устроить в деревне лютневый концерт. Или купить свинью.

Я отвлекаюсь от дневника (руке нужен отдых) и отпускаю несколько замечаний – ничего интересного.

За окном снова дождь. Через двор бежит Стивен Колли, сын нашей горничной. Да, когда-то мы могли позволить себе прислугу. Он живет у нас с детства; его мать давно умерла, а родственников не нашлось. Стивен выращивает овощи, ухаживает за курами... да уйму всего делает! Не представляю, как бы мы без него обходились. Ему восемнадцать, он очень хорош собой; в его облике есть что-то благородное, только выражение лица глуповато. Сколько помню, Стивен вечно бродил за мной по пятам; отец зовет его моим пажом. Он и правда вылитый Керубино из «Женитьбы Фигаро», хотя я-то ничего общего с Барбариной не имею.

Войдя в кухню, Стивен сразу зажег свечу и поставил мне на подоконник.

– Испортите глаза, мисс Кассандра!

И уронил на страницу дневника тщательно свернутый листок бумаги. Опять стихотворение! Сидел, наверное, выводил в сарае. Почерк у Стивена аккуратный, даже красивый. В начале заголовок: «Мисс Кассандре, автор – Стивен Колли».

Стихотворение прелестно. Автор – Роберт Херрик.

Ну вот что со Стивеном делать? Отцу его «жажда самовыражения» кажется «трогательной». Боюсь, основная «жажда» тут – порадовать меня. Ему известно, как я люблю поэзию. Всю зиму, почти каждую неделю, он подбрасывал мне чужие стихи, выдавая их за свои. Сказать бы, что знаю его секрет, но... не хватает духу: расстроится ведь! Может, когда потеплеет, позову беднягу на прогулку и как-нибудь ласково, тактично все выложу...

Расточать Стивену обычных фальшивых похвал на сей раз не стала – ограничилась одобрительной улыбкой. Теперь он с довольным видом усердно закачивает в бак воду из колодца.

Колодец в полу кухни, похоже, ровесник замка; говорят, за шестьсот лет он ни разу не пересыхал. А вот насосов сменилось много. Тот, что у нас, остался якобы со времен королевы Виктории, когда проводили отопление.

То и дело приходится прерываться. Сначала Топаз, набирая чайник, обрызгала мне ноги; затем из соседнего городка Кингз-Крипт, а точнее из школы, приехал наш брат Томас, крупный юноша пятнадцати лет. У него густые, но растущие пучками волосы (их даже трудно причесать), такого же мышинового цвета, как у меня. Мои, правда, мягкие и послушные.

Всего несколько месяцев назад я тоже день за днем приходила домой после занятий. Как сейчас помню: десять миль трясешься в лениво ползущем поезде, плюс пять миль накручиваешь педали от станции Скоутни. У-у-у, как я ненавидела дорогу зимой!.. И все же школа мне

нравилась. Моя одноклассница, дочь директора кинотеатра, иногда бесплатно водила меня на фильмы. Ужасно теперь этого не хватает! И вообще в школе было неплохо – для тихого провинциального городка уровень подготовки там замечательный. Я получала стипендию, Томас тоже получает. Словом, кое-какие способности у нас есть.

По стеклу хлещет дождь; из-за мерцающего сияния свечи темнота за окном кажется непроглядной. В дальнем конце кухни столь же сумрачно: отверстие в плите закрывает чайник. Роуз и Топаз, сидя на полу у очага, обжаривают на огне хлеб. Их головы очерчены тонкими золотистыми дугами: так светится сквозь волосы пламя.

Стивен оставил насос и теперь подкладывает топливо под большой старинный котел из меди – отличный обогреватель с запасом горячей воды. Медь пышет жаром, плита раскалена докрасна! Во всем доме не сыскать места теплее кухни. Потому здесь и толпится вся семья. Впрочем, мы и летом едим в кухне – мебель из столовой продана больше года назад.

Боже мой, глазам не верю: Топаз ставит варить яйца! Куры расщедрились. Милые, милые птички! Я-то думала, обойдемся чаем, хлебом, маргарином... Честное слово, и рада бы привыкнуть к маргарину, но не получается. Спасибо, хоть у хлеба нет дешевых заменителей.

Неужели когда-то «выпить чаю» означало накрытый в гостиной стол, кексы и тоненькие бутерброды с маслом? Теперь для нас это полноценный ужин, да и тот нелегко раздобыть. Едим мы обычно после приезда Томаса.

Стивен возится с лампой. Розовое сияние на стенах вот-вот погаснет. Зажженная лампа перекочевывает на стол. Что ж, ее свет тоже красив.

Отец! Пришел из караульни по крепостной стене. Стоит на лестнице, кутаясь в старый клетчатый плед, и бормочет:

– Чай, чай... А мисс Марси принесла книги?

Не принесла.

Тут отец говорит, что руки у него окоченели. Это не жалоба – скорее легкое недоумение. Неужели в нашем замке можно удивляться заледеневшим конечностям? Тем более зимой. Тряхнув мокрыми волосами, он спускается в кухню. На душе теплеет: как же я его люблю! К сожалению, приливы нежности к отцу случаются у меня нечасто.

Внешность у него по-прежнему броская, хотя черты красивого лица немного расплылись; яркие, как у Роуз, волосы тоже постепенно блекнут.

Отец непринужденно беседует с мачехой. У него то самое наигранно радостное настроение. Жаль... Впрочем, бедняжка Топаз благодарна ему даже за фальшивое веселье: отца она обожает – а он к ней почти равнодушен.

Ох, надо выбираться из раковины. Мачехе нужен чехольчик для чайника, да и хозяйка подстилки прибежала – бультерьерша Элоиза. Она у нас белая, как снег, только из-под короткой шерстки просвечивает нежно-розовая кожа. Ладно, Элоизочка, бери свое одеяльце! Собака преданно смотрит мне в лицо: в ее взгляде и любовь, и упрек, и как будто смех. Откуда столько эмоций в маленьких раскосых глазках?

Перебираюсь с дневником на ступеньки. На душе радостно. Грусть из-за отца, жалость к Роуз, раздражающие послания Стивена и беспросветное будущее семьи не считаются. Может быть, счастлива я потому, что утолила творческий голод. А может, меня согрела мысль о яйцах к чаю.

II

Тот же день, позже. Написано в постели.

В общем-то, все неплохо: на мне теплое школьное пальто, в ногах горячий кирпич. Жаль только, эту неделю придется мучиться на маленькой железной кровати. На кровати с пологом мы с Роуз спим по очереди. В руках у сестры роман из деревенской библиотеки. «Милень-

кий сюжет!» – отрекомендовала его мисс Марси. Роуз ворчит, что книга ужасна, но уж лучше читать, чем размышлять о своей невеселой жизни.

Бедняжка! Подол ее голубого фланелевого пеньюара сложен вдвое вокруг поясницы – так теплее. Пеньюару лет сто; Роуз его уже, кажется, не замечает. Забрать бы у нее эту заношенную вещицу, а потом вернуть через месяц... Наверное, сестра и пальцем бы к нему не притронулась от отвращения. Впрочем, мне ли говорить? Мой пеньюар еще два года назад превратился в тряпку – в него как раз завернут горячий кирпич.

Спальня у нас просторная и необыкновенно пустая. От прежней обстановки осталась только кровать с пологом, и та дышит на ладан; хорошую мебель мы постепенно распродали, взамен купив у старьевщиков лишь самое необходимое. К примеру, платяной шкаф без дверцы. Или бамбуковый туалетный столик – с виду настоящий раритет! Подсвечник у моей кровати стоит на помятом жестяном кофре ценой в шиллинг, у Роуз свеча на комод, выкрашенном под мрамор, а скорее под бекон.

Еще у меня есть собственный эмалированный кувшин и тазик на треноге. Это добро отдала хозяйка «Ключей» в ответ на мое замечание, что в хлеву от них все равно проку нет. Очень сокращает очередь в ванную утром и вечером. А больше всего мне нравится деревянный резной подоконник. Хвала Небесам, продать его невозможно: вместе с многостворчатым окном он надежно встроен в толщу стены. Несколько маленьких ромбовидных окон смотрят в сад. В углу вход в круглую башню. С детства ее обожаю! Внутри вьется каменная лестница; некоторые ступени раскрошились, но еще можно подняться на верхнюю площадку с зубчатым парапетом или спуститься в гостиную.

Пожалуй, к мебели причислю и мисс Блоссом – одноногий портновский манекен с выразительными формами, облаченный в проволочную юбку. Дурачась, мы воображаем, что мисс Блоссом – умудренная опытом женщина, в прошлом барменша. И будто бы в разговоре у нее проскальзывают фразочки вроде: «Что ж, золотко, таковы мужчины» и «Главное – окрутить его, голубчика».

Вандалы Викторианской эпохи нагородили в доме немало лишнего, а вот разделить комнаты коридорами им в голову не пришло. Ходим туда-сюда через все спальни. Через нашу только что проплыла Топаз в белой ночнушке – куске ситца с отверстиями для головы и рук (современное белье, по ее мнению, слишком заурядно). Ни дать ни взять жертва, бредущая на эшафот. А на самом деле в ванную.

Мачеха с отцом спят в большой комнате, дверь которой выходит на лестницу в кухню. Наши спальни разделяет небольшое помещение – студия Топаз, – мы зовем его «буферное государство». Комната Томаса располагается на другой стороне лестничной площадки, рядом с ванной.

Интересно, не за отцом ли пошла Топаз? Прошествовать по крепостной стене в ночной сорочке вполне в ее духе. Надеюсь, не за ним; он ужасно бранится, если она врывается в карательню. Мы-то с детства приучены не приближаться к отцу, пока не позовет, – вот он думает, что и Топаз должна ходить по струнке.

Несколько минут назад мачеха вернулась. Значит, из дома не выходила. Похоже, ей хотелось посидеть с нами, но мы сделали вид, будто этого не замечаем. Вскоре из родительской комнаты донеслись звуки лютни. Сам инструмент мне нравится, но от него столько шума! И мелодии какие-то негармоничные.

Зря я так недружелюбно обошлась с Топаз. Теперь совестно. Просто вечер был слишком насыщенный, одни разговоры.

К восьми часам с новой стопкой книг пришла мисс Марси. Ей около сорока, но, несмотря на поблекшее лицо, выглядит она почему-то молодо. Она миниатюрна, смешлива, часто моргает глазами, любимое восклицание: «Вот так так!» Думаю, учитель мисс Марси отличный. Ее специальность – народные песни, полевые цветы и страноведение. В деревню она переехала из

Лондона более пяти лет назад. Поначалу ей здесь не нравилось («не хватало городских развлечений»), однако потом она открыла для себя маленькие сельские радости и теперь пытается заинтересовать ими местных.

Пользуясь положением библиотекаря, мисс Марси откладывает для нас свежие, только поступившие книги. Вот сегодня, после очередной доставки, отложила для отца детектив его любимого автора. Новенький, позапрошлогодний!

– О! Это надо скорее отдать Мортмейну! – воскликнула Топаз и поспешила в караульную.

Мачеха зовет отца Мортмейном, поддерживая иллюзию, будто он по-прежнему известный писатель. И вообще ей наша редкая фамилия нравится.

Вернулись они вместе – отец хотел поблагодарить мисс Марси. В кои-то веки его радость казалась искренней.

– Не могу без детективов! Читаю все подряд: хорошие, плохие, посредственные... – улыбаясь, говорил он. – Но классический – это особое удовольствие! Одно из редчайших в жизни.

Мисс Марси призналась, что роман не читал даже викарий. Отец, просияв, послал ей воздушный поцелуй.

– Ах, спасибо, мистер Мортмейн! То есть я имею в виду... – Она смущенно заморгала. – Вот так так!

Завернувшись в плед, словно в тогу, отец ушел к себе в необычайно приподнятом настроении.

– Ну как он? – скорбным шепотом спросила мисс Марси, едва мы остались одни. Можно подумать, отец при смерти или не в своем уме!

Сестра ответила, что, мол, жив-здоров, а толку нет. Гостья оторопела.

– Роуз огорчена нашим бедственным положением, – пояснила я.

– Не стоит обременять мисс Марси семейными заботами, – торопливо сказала Топаз. В адрес отца она и намек на упрек не потерпит: сразу встает горой на его защиту.

Учительница возразила, что наши заботы ничуть ее не обременят. (По-моему, жизнь в замке для нее олицетворяет исключительно романтику.)

– Не смогу ли я помочь советом? – застенчиво поинтересовалась она. – Иногда взгляд со стороны...

И правда, почему бы не выслушать практичную женщину вроде мисс Марси? Именно она принесла мне учебник по стенографии. Конечно, мать учила не обсуждать семейные дела в деревне, и чувства преданной отцу Топаз я уважаю, но... вдруг будет польза? Пусть знает, что мы разорены.

– Если бы вы придумали, как нам заработать денег... – сказала я.

– Точнее, правильно их распределить. Творческие люди, как правило, непрактичны. Устроим совещание! – оживленно воскликнула гостья, будто созывая детей на игру.

Учительнице явно хотелось нам помочь, отвергнуть ее затею было бы невежливо; впрочем, Роуз с Топаз от отчаяния и не пытались возражать.

– Бумагу и карандаши! – хлопнув в ладоши, велела мисс Марси.

Писчая бумага – редкий гость в нашем доме. Жертвовать роскошной тетрадкой, за которую уплачено шесть пенсов викарию, я не собиралась. В конце концов учительница выдернула страницы из середины библиотечной ведомости. Приятно обкрадывать правительство! Мы уселись вокруг стола, назначив председателем мисс Марси. Она заметила, что ей придется еще вести протокол за секретаря.

Исследование финансового положения семьи Мортмейн

Присутствующие:

Мисс Марси (председатель)
Миссис Джеймс Мортмейн
Мисс Роуз Мортмейн
Мисс Кассандра Мортмейн
Томас Мортмейн
Стивен Колли

Начали с расходов.

– Во-первых, арендная плата, – объявила мисс Марси.

Аренда составляет сорок фунтов в год. Не так уж много для огромного замка, но земли у нас всего несколько акров. Земледельцам руины мешают, вдобавок по деревне ходят слухи о привидениях. Чушь, конечно! Нет здесь привидений (кое-что странное бродит порой по насыпи, однако к дому не приближается). А вообще, аренду мы не платим третий год. Тем не менее богатый владелец замка всегда присылал нам к Рождеству окорок из своего поместья Скоутни-Холл, что в пяти милях отсюда. В ноябре прошлого года старый джентльмен умер. Как же мы соскучились по окороку!

– Говорят, в Скоутни-Холл приезжают наследники, – сказала учительница, выслушав наши объяснения. – Уже взяли к садовникам двух ребят из деревни. Что ж, пометим эту статью расходов как «необязательная». А как с питанием? Нельзя ли урезать сумму до пятнадцати шиллингов на человека в неделю? Скажем, фунт на человека, включая свечи, масло для ламп и чистящие средства?

Шесть фунтов в неделю на семью! Мы разразились громким хохотом.

– Думаю, мисс Марси нужно для начала узнать истинное положение дел, – заговорила Топаз. – В этом году доходов нет и не предвидится.

– Я не знала, что все так плохо, – пунцовея, пробормотала мисс Марси. – Но, миссис Мортмейн, дорогая, есть же какие-то деньги?

Мы вкратце обрисовали ситуацию. За январь и февраль у нас не прибавилось ни пенса. В прошлом году отец получил из Америки сорок фунтов – там еще неплохо продается его книга. Три месяца Топаз позировала в Лондоне: восемь фунтов сэкономила, пятьдесят взяла в долг; двадцать фунтов удалось выручить в Кингз-Крипте за комод. На них и живем с Рождества.

– Итак, доход за прошлый год сто восемнадцать фунтов, – записала мисс Марси.

Пришлось торопливо пояснить, что к доходам нынешнего года эта цифра отношения не имеет: хорошей мебели на продажу не осталось, богатые кредиторы Топаз разъехались, да и авторские гонорары отца со временем только сокращаются.

– Может, мне бросить школу? – предложил Томас.

Мы хором отвергли нелепую мысль: школьные расходы покрывает стипендия, к тому же викарий недавно купил ему годовой проездной на поезд.

Задумчиво повертев в руках карандаш, учительница наконец сказала:

– Лучше говорить откровенно. Не экономить ли денег на жалованье Стивену?

Мои щеки запылали. Стивену мы ничего не платили. Нам даже не приходило это в голову! А ведь платить следовало. (Хотя к тому моменту, когда он дорос до жалованья, денег все равно не было.)

– Мне не нужно жалованье, – тихо произнес Стивен. – Я бы в любом случае отказался. Я обязан Мортмейнам всем.

– Видите ли, Стивен нам как родной, – объяснила я.

Учительница нахмурилась, зато Стивен просиял и, смущенно пробормотав, что ему нужно проверить кур, вышел из кухни.

Едва за ним закрылась дверь, мисс Марси уточнила:

– Совсем-совсем никакого жалованья? Только содержание?

– Ну, мы же себе ничего не платим, – резонно заметила сестра.

Истинная правда! Только мы и не работаем, как Стивен. И не спим в темной комнатке при кухне.

– Обсуждать нашу бедность при мисс Марси унизительно! – сердито продолжала Роуз. – Я думала, она просто посоветует, где заработать денег.

Битый час мы умиряли взывавшую гордость сестры и успокаивали расстроенную гостью – лишь затем перешли к подсчетам, кто из нас чего стоит.

Топаз объяснила, что больше четырех фунтов в неделю в Лондоне ей не заработать; три из них уйдет на проживание, плюс одежда и поездки домой на выходные, хотя бы два раза в месяц.

– К тому же в Лондон мне не хочется, – жалобно добавила она. – Я устала работать натурщицей. И ужасно скучаю по Мортмейну. Без меня ему никак – никто в доме не умеет готовить.

– Какая разница! – фыркнула Роуз. – Готовить нам все равно нечего. Может, мне пойти в натурщицы?

– Не стоит и пробовать, – ответила Топаз. – Слишком красивая фигура, рисовать неинтересно. И сидеть неподвижно у тебя не хватит терпения. Если ничего не придумаем, придется мне все-таки ехать в Лондон. Я бы присылала домой около десяти шиллингов в неделю.

– Что ж, превосходно! – отозвалась мисс Марси и записала: – Миссис Джеймс Мортмейн: десять шиллингов в неделю.

– Но не круглый год, – твердо сказала мачеха. – Я столько не вынесу. Мне и на свои картины нужно время. Я ведь могу кое-что продать.

– Разумеется, – вежливо кивнула учительница и обернулась ко мне.

Я сказала, что добилась приличной скорости письма, хотя до настоящей стенографистки мне еще далеко.

И печатать я не умею. Где же найти в такой глуши печатную машинку!

– Боюсь, пока ты ноль, – развела руками мисс Марси. – Вот когда всерьез займешься писательством... Так, Томасу еще несколько лет учиться. Перейдем к тебе, Роуз.

Если кто в семье и ноль как возможный кормилец, так это сестра. Конечно, она играет на фортепиано, неплохо поет и вообще очаровательна, но особых талантов у нее нет.

– Я могла бы присматривать за детьми, – сказала она.

– Нет-нет, – торопливо возразила учительница. – То есть я имела в виду... э-э... помоему, тебе это не очень подойдет.

– Тогда пойду горничной в Скоутни-Холл! – мученически воскликнула сестра, будто отдаваясь в руки палача.

– Дорогая, на горничную нужно выучиться, – мягко сказала мисс Марси, – да и отцу вряд ли это понравится. Может, вышьешь что-нибудь миленькое?

– На чем? – усмехнулась Роуз. – На мешковине?

В любом случае вышивает она из рук вон плохо.

Мисс Марси, с грустью просмотрев список, вздохнула:

– К сожалению, наша славная Роуз пока тоже ноль. Остается мистер Мортмейн.

– Ну уж если я – ноль, – хмыкнула сестра, – то отец – ноль в квадрате!

Подавшись вперед, учительница произнесла:

– Дорогие мои, поймите, я честно пытаюсь вам помочь... Что за беда у мистера Мортмейна? Он... он пьет?

Мы так хохотали, что даже Стивен заглянул, желая послушать шутку.

– Бедный, бедный Мортмейн, – задыхаясь от смеха, простионала Топаз, – если бы он мог позволить себе хоть бутылку пива!.. Выпивка стоит денег, мисс Марси.

Тогда мисс Марси задумчиво предположила, что вряд ли дело в наркотиках. Уж, конечно, не в них! Он даже не курит с тех пор, как закончились сигары, которые ему преподнес на Рождество викарий.

– Причина одна – лень в чистом виде, – заявила сестра, – лень и слабохарактерность. Наверное, он никогда особенно и не блистал. «Борьбу Иакова» явно переоценили.

Лицо Топаз исказилось от гнева. Я испугалась, что мачеха ударит Роуз, но между ними быстро встал Стивен.

– Ну что вы, мисс Роуз, – тихо сказал он, – это великая книга, всякому понятно. Просто после пережитого мистер Мортмейн не может больше писать. Вдохновение по желанию не приходит.

Не успела сестра открыть рот, чтобы осадить наглеца, как Стивен обернулся ко мне и скороговоркой выпалил:

– Я тут размышлял, мисс Кассандра... пойду-ка я работать. Меня с радостью возьмут на ферму Четыре Камня.

– Стивен, а сад?! – чуть не расплакавшись, завопила я. Мы ведь только и держались на овощах!

Он ответил, что дни скоро станут длиннее, работать дома можно по вечерам.

– Да и я неплохо в саду управляюсь, правда, Стивен? – спросила Топаз.

– Даже очень хорошо, мэм. Конечно, если бы вы уехали в Лондон, я не пошел бы на ферму – мисс Кассандре будет тяжело.

Это правда. От Роуз толку не много что дома, что в саду.

– Запишите на меня двадцать пять шиллингов в неделю, мисс Марси, – продолжал Стивен, – столько мне предложил для начала мистер Стеббинс. И обед вдобавок.

Я обрадовалась: хоть раз в день он сытно поест!

Мисс Марси согласилась, что идея великолепная, и с сожалением вычеркнула десять шиллингов Топаз.

– Конечно, это был лишь возможный заработок...

Пока она записывала цифры, сестра вдруг сказала:

– Спасибо, Стивен.

Обычно она его почти не замечает, поэтому слова благодарности прозвучали особенно значительно. В последнее время бедняжка Роуз все грустила, а тут даже мило улыбнулась. Настоящий луч солнца после долгого ненастья! По-моему, против ее улыбки никто не устоит, сразу влюбится. Однако Стивен просто покивал и несколько раз сглотнул.

На лестнице вдруг появился отец.

– В карты играем?

Наверное, со стороны так и казалось: сидим компанией за столом, у лампы...

Обведя взглядом наш кружок, он зашагал вниз.

– Книга превосходная! Устроил себе небольшой отдых, пытаюсь угадать, кто убийца. Вот, зашел за печеньем. Топаз, будь добра...

Печеньем отец забивает голод в перерывах между приемами пищи (ест он за обедом мало, куда меньше остальных). Наверное, думает, что это самая дешевая и незначительная еда из имеющейся в доме. Магазинного печенья у нас, конечно, сто лет не водилось – речь об овсяных лепешках, которые печет Топаз. Очень сытные!

Мачеха намазала лепешку маргарином. В глазах отца мелькнуло отвращение.

– Можно немного посыпать сахаром? Так вкуснее, – извиняющимся тоном пояснил он. – Есть, чем угостить мисс Марси? Мисс Марси, не желаете чаю или какао?

Поблагодарив отца, учительница сказала, что не хочет перебивать аппетит перед ужином.

– Ладно, не буду мешать игре, – ответил он. – А это что?

Отвлечь его внимание я не успела. Склонившись над плечом мисс Марси, отец скользил взглядом по злополучному списку.

Доходность на текущий год

Миссис Мортмейн – ноль
Кассандра Мортмейн – ноль
Томас Мортмейн – ноль
Роуз Мортмейн – ноль
Мистер Мортмейн – ноль
Стивен Колли – 25 шиллингов в неделю

На его лице не дрогнул ни один мускул, на губах по-прежнему играла улыбка, но в душе... В душе явно что-то происходило. Я сразу почувствовала. Роуз считает, будто я наделяю людей своей реакцией и эмоциями; однако в тот миг, уверена, интуиция меня не подвела. Я вдруг увидела отца глазами постороннего человека. Как же он изменился со времени моего детства! Невольно вспомнились строки Ральфа Ходжсона о жалких укрощенных тиграх...

Сто лет пройдет, пока запишешь мысли, которые занимали тебя не больше минуты! А было их много – о сложных вещах, трогательных, странных...

– Стивен собирается отдавать свое жалование нам? – дочитав список, поинтересовался отец довольно небрежным тоном.

– Я же должен платить за стол и проживание, мистер Мортмейн... сэр, – запинаясь, проговорил Стивен. – Да и за... прежнюю... щедрость. И книги вы мне давали...

– Из тебя выйдет прекрасный глава семьи, – сказал отец и, взяв у Топаз овсяную лепешку, направился к лестнице.

– Мортмейн, погрейся немного у огня! – крикнула она вдогонку.

Он ответил, что хочет почитать книгу, и, вновь поблагодарив мисс Марси за чудесный роман, в высшей степени учтиво с ней попрощался. Вскоре со второго этажа донеслось невнятное пение – мурлыча себе под нос, отец шел через вереницу комнат в караульню.

Мисс Марси, человек деликатный, не сказала о происшедшем ни слова, только смущенно заметила, что ей пора домой.

Стивен зажег фонарь, чтобы проводить гостью: из-за непролазной грязи вокруг замка учительница оставила велосипед на дороге. Я вышла вместе с ними. Во дворе, мельком глянув на окно караульни, мисс Марси спросила, не обидится ли отец, если она принесет ему корочку печенья – держал бы ее при себе.

Я с улыбкой ответила, что еда в нашем доме – не оскорбление.

– Боже, боже... – вздохнула она.

Напоследок учительница восхитилась великолепием руин, предположив, что мы-то к ним давно привыкли. Мечтая скорее вернуться к очагу, я с готовностью согласилась. Только это неправда – к красоте замка невозможно привыкнуть. Мисс Марси и Стивен ушли, а я все смотрела на темные развалины: сегодня они были особенно прекрасны! Ночь выдалась странная. Тонкую завесу облаков подсвечивала серебряным невидимая луна, отчего небо отливало светло-серым. Огромная башня Вильмотт стала как будто еще выше. Я присмотрелась к небу и не смогла отвести глаз. Оно завораживало... Так я и глядела в полной тишине ввысь, пока не вернулся Стивен.

– Замерзнете без пальто, мисс Кассандра, – встревожился он.

Но я забыла о холоде, а потому не мерзла.

По пути к дому Стивен спросил меня о Безжалостной красавице: не обитала ли она в башне вроде Вильмотт? Вполне вероятно, ответила я. Хотя, по-моему, вряд ли эта дама вела хозяйство.

После ухода гости дрова в очаг решили не подкидывать; разобрал из духовки горячие кирпичи, все разошлись по спальням. Придется расходувать свечи – рано ведь, спать не хочется.

Вот досада! Надеялась, света хватит на два часа, но фитилек провалился внутрь! Не свеча, а бесформенный кусок воска. (Как же выкручивался в такой ситуации король Альфред со свечами-часами?) Попросила свечу у Томаса – оказывается, он еще корпит над домашней работой. К счастью, в кухне у меня есть тайный запас огарков. А по пути вниз дружески поболтаю с Топаз. Надо все-таки быть великодушной.

* * *

Вернулась. Что сейчас произошло! Очень странный случай.

Мои шаги разбудили в кухне собаку; на лай выглянул Стивен. Я крикнула, что это лишь я, и он нырнул обратно в комнату. Взяв свечной огарок, я присела рядом с Элоизой (после сна от нее приятно пахнет теплой чистенькой собачкой). Только собралась с ней потолковать, как появился Стивен, в пальто поверх ночной одежды.

– Все в порядке, – обернулась я. – Я нашла, что хотела.

Тут дверь над лестницей захлопнулась. Наступила полная темнота, только квадрат окна бледно светится. Я двинулась на ощупь обратно, но врезалась в стол. Тогда Стивен довел меня до ступеней за руку.

– Спасибо, теперь я сама справлюсь, – сказала я.

Окно было рядом; мертвенный лунный свет окутывал все вокруг, точно саван.

Стивен так и не выпустил мою руку.

– Мисс Кассандра, у меня к вам просьба, – начал он. – Если вам будет голодно, скажите мне... Я имею в виду, если нечего будет есть.

Что на это ответить? «Хорошо, обязательно». Но меня насторожил его напряженный, обеспокоенный голос.

– Э-э... у нас вроде всегда находится, чем перекусить, – весело отозвалась я. – То одно, то другое, верно? Куча вкусностей – это, конечно, здорово, но мне пока хватает. А почему ты завел такой разговор?

Он признался, что сейчас размышлял об этом в кровати. Ему невыносима мысль о моих страданиях.

– Если вам голодно, непременно скажите мне! Что-нибудь сообразим.

Я горячо поблагодарила Стивена и напомнила о его планах помочь нам деньгами.

– Да, хоть чем-то, – вздохнул он. – Но если вы недоедаете, только дайте знать! Спокойной ночи, мисс Кассандра.

Я побежала вверх по лестнице. Откровенно говоря, желудок от голода сводит у меня постоянно. Слава богу, что Стивену не призналась! Раз он крадет ради меня стихи Херрика, с него станет воровать для меня сосиски. Нехорошо так думать, но все-таки... приятно.

Из караульни пришел отец. На его лице не было ни тени обиды, ни намека на оскорбленное достоинство. Отец просто сказал, что прибережет четыре главы для чтения в кровати.

– И это потребовало немалой силы духа! – добавил он с улыбкой.

Топаз же выглядела расстроенной.

В нашей спальне царил темнота: Томас позаимствовал у Роуз свечу, чтобы дописать домашнее задание. Сестра не возражала – роман оказался «миленьким» до приторности.

Я зажгла огарок и вставила его в оплывший в подсвечнике воск. Пришлось сильно наклониться, чтобы свет попадал на тетрадь. Не успела вывести и буквы, как подскочила Роуз: проверила, затворена ли дверь в студию.

– Тебе ничего не пришло на ум, когда мисс Марси рассказала об открытии Скоутни-Холла? – многозначительно спросила она. – А я сразу вспомнила «Гордость и предубеждение»! Помнишь, миссис Беннет говорит: «Незерфилд-парк наконец больше не будет пустовать»?² И мистер Беннет наносит визит новому хозяину-богачу.

– Мистер Беннет не задолжал ему арендную плату, – усмехнулась я.

– Отец все равно не пошел бы. Вот бы очутиться в романе Джейн Остен!

– А я бы предпочла Шарлотту Бронте.

– Что, по-твоему, лучше: роман Джейн с примесью стиля Шарлотты или роман Шарлотты с примесью стиля Джейн?

Обожаю такие разговоры!

Но мне не терпелось заняться дневником, поэтому я коротко сказала:

– Лучше обеих поровну. – И уткнулась в тетрадь.

Сейчас около полуночи. Пишу эти строки при свете угасающей свечи и сама чувствую себя Шарлоттой Бронте. Карандаш норовит выскользнуть из немеющих от холода пальцев. Зачем только Стивен напомнил о еде? Теперь у меня крутит желудок. Странно, я ведь меньше шести часов назад съела яйцо и выпила чай... О боже! Наверное, Стивен так тревожился из-за меня, оттого что сам голоден. Мы ведь семья!

Интересно, не удастся ли урвать еще несколько минут для письма, если воткнуть в подтаявший воск вместо фитилька спички? Иногда помогает.

Бесполезно... Все равно что огонек светлячка. Зато луна пробилась сквозь облака, стало чуть лучше видно. До чего увлекательно писать при лунном свете!

Роуз спит. Лежит на спине, широко открыв рот. Даже в таком виде она прелестна. Надеюсь, ей снится чудесный сон: богатый молодой холостяк предлагает ей руку и сердце. У меня сна ни в одном глазу. Поболтаю немножко с мисс Блоссом. Мысленно, разумеется. На серебряном фоне окна благородный корпус манекена выглядит почему-то внушительнее, чем обычно. Только что спросила ее о нашем с Роуз будущем: случится ли с нами что-нибудь захватывающее? И отчетливо услышала ответ:

– Не знаю, золотко. Но уверена, твоя сестра стала бы настоящей куколкой, подвернись ей случай.

Мне-то стать «куколкой» точно не грозит.

С удовольствием писала бы ночь напролет, однако уже почти ничего не видно – зря бумагу порчу. Лучше просто думать. Размышления, похоже, единственная роскошь, которую можно себе позволить бесплатно.

III

Посмотрела дневник с начала. Читать стенографические знаки довольно просто; даже отрывок, записанный при свете луны, легко разобрала. Сколько же я успела рассказать!.. Когда сочиняешь, часами бьешься над одной страничкой, а вот правда так и рвется наружу – записывай да записывай. Подбор слов мне, если честно, не очень нравится. Впрочем, на кого жаловаться? Сама подбирала. Нет, ну разве сможет читатель вообразить нашу кухню, озаренную пламенем очага? Или башню Вильмотт на фоне серебристых, подсвеченных луной облаков? Или лицо Стивена, благородное и простое одновременно? (До чего несправедливо я назвала его «глуповатым»!) При чтении книги я всегда мысленно рисую картинку: ты будто «дописы-

² Перевод И. Маршака.

ваешь» роман, а точнее «поселяешься» в нем. Так намного интереснее. Хотя вряд ли другие люди читают подобным образом.

Сегодня я пишу на чердаке – в кухне без умолку болтают Топаз и Роуз; они собираются замочить старые платья в зеленой краске. И где только выкопали это «сокровище»? Упаковка красителя у нас с тех времен, когда я изображала эльфа в школьной постановке. Не хочется, конечно, стать писателем, который способен творить лишь в полном одиночестве; Джейн Остен, например, работала в гостинице, прикрывая роман рукой, когда входили посторонние (больше чем уверена, про себя она поминала их недобрым словом, а то и двумя). Но я пока не Джейн Остен, и терпение мое не безгранично. Замок лучше описывать в спокойной обстановке.

Здесь ужасно холодно; пришлось надеть пальто и перчатки, которые давно превратились в митенки – уцелел только большой палец. На коленях у меня сидит светло-рыжий котик по имени Аб, греет мне живот. Дневник я пишу на крышке бака, перегнувшись через пушистого красавца. На самом деле кота зовут Абельяр, под пару Элоизе (стоит ли говорить, что окрестила их Топаз?), но окликают его полным именем нечасто. По характеру он славный, правда, нежностей не терпит. Сегодня у него редкий приступ великодушия. Мне повезло.

Озаглавлю так: «Переезд в замок».

Пока отец сидел в тюрьме, мы жили в одном из лондонских пансионатов. Матери не удалось вновь соседствовать с досужим прыгуном через забор. После освобождения отец решил купить дом в деревне. Думаю, мы тогда были весьма состоятельны: «Борьба Иакова» прекрасно раскупалась, а на лекциях по оригинальному роману отец заработал еще больше, чем на продажах. У матери тоже имелся кое-какой доход.

Выбор пал на графство Саффолк. Мы остановились в гостинице в Кингз-Крипте и каждый день выезжали на поиски дома. Да-да, на собственной машине. Впереди сидели родители, а сзади Роуз, Томас и я. Поездки проходили весело, отец был в превосходном расположении духа – Бог свидетель, ни намек на железо в душе! Однако предубеждение против соседей у него все-таки появилось; мы пересмотрели десятки прелестных домиков, а он и слышать о них не желал.

Стояла поздняя осень, теплая, ясная, золотая. Мне нравилась неяркая красота скошенных полей, подернутые дымкой заливные луга... Роуз не любит бескрайние равнины, я же с детства их обожаю – сколько простора небу! Однажды вечером, когда над горизонтом нежно розовел закат, мы заблудились. Мать ворчала, что на карте все вверх ногами, а когда переворачивала, как следует, вверх ногами оказывались надписи. Мы с Роуз хохотали – заблудились! Эта мысль приводила нас в восторг. Отец с ангельским терпением наблюдал за возней матери с картой.

Неожиданно вдалеке, на небольшом холме, мы заметили высокую круглую башню. Отцу тут же захотелось ее осмотреть; маму затея не очень увлекла. Найти башню оказалось нелегко: узкая дорога постоянно петляла, обзор загораживали то деревья, то деревни. Как же мы с сестрой и отцом ликовали, когда башня вновь появлялась на горизонте! Мать тревожилась: поздно, скоро укладывать Томаса; впрочем, брат давно спал, мерно покачиваясь на заднем сиденье между мной и Роуз.

Наконец перед нами вырос дорожный знак с надписью: «К замку и башне Вильмотт. Тупик». Стрелка указывала на узкую заросшую дорогу. Отец не раздумывая свернул. Автомобиль еле полз; за борта цеплялась ежевика, словно пытаясь удержать незваных пришельцев. Наверное, так сквозь лесную чашу продирался к Спящей красавице Принц. Дорога виляла из стороны в сторону, по обочинам росли высокие кусты, дальше нескольких ярдов заглянуть вперед было невозможно. Мать умоляла повернуть назад, пока не увязли, – возможно, до замка еще несколько миль... Но тут мы выехали на открытую равнину, и нашим взорам предстала она! Нет, не одинокая башня на холме, а внушительная крепость в низине. Отец ахнул. Мы

выскочили из автомобиля, в изумлении таращась на замок, озаренный последним отблеском дня.

Никогда не забуду это причудливое, великолепное зрелище! Только вообразите: отвесные серые стены на бледно-желтом полотнище неба; перевернутое отражение башен в наполненном до краев рве; зеркальная водная гладь; округлые изумрудно-зеленые листья элодеи... Ни малейшего дуновения ветра. Полная тишина и покой.

На фоне наших восторженных криков древние камни казались еще безмолвнее.

Отца заинтересовали ворота – две башни, соединенные на уровне середины караульной комнаткой с многостворчатыми окнами со стойками из камня. Справа от ворот темнели бесформенные развалины, слева высилась мощная стена с парапетом, ведущая к круглой угловой башне. К величественным дубовым воротам тянулся через ров мост. В одной из обитых гвоздями створок виднелась небольшая калитка. Приоткрытая! Отец сорвался с места... Броситься следом нам с сестрой не позволила мать. Все твердила что-то непонятное о частной собственности, незаконном проникновении, но в конце концов махнула на нас рукой и занялась хнычущим после сна Томасом.

Бег через притихшую равнину навсегда врезался в мою память; запах влажных камней и водорослей над мостом, миг восторга у калитки... Шаг – и мы очутились в прохладном сумраке перехода. Здесь я впервые прониклась духом замка, ощутила тяжесть кладки, стискивающей тебя со всех сторон. Тогда в силу возраста я почти не разбиралась в истории: замки олицетворяли для меня сказку, странное холодное дыхание стен навевало мысли о колдовских чарах. Я испуганно схватила Роуз за руку. Мы со всех ног побежали на свет – и остановились как вкопанные.

Слева вместо серых стен и башен тянулось длинное строение: местами оштукатуренное, местами облицованное кирпичом, местами обитое досками, побелевшими от времени. За решетками в лучах заходящего солнца ярко золотились разнокалиберные маленькие окошки; классический фронто́н, казалось, вот-вот обвалится. Это напоминало уже иную сказку. Настоящий домик из «Ганса и Гретель»! По коже побежали мурашки: не похитила ли отца злая ведьма? Но он, как выяснилось, лишь пытался отворить дверь в кухню.

Заметив нас, отец бросился навстречу, напрямую через бурно разросшийся неухоженный сад. Ему хотелось, чтобы Роуз влезла в открытое окошко у парадной двери и открыла засов изнутри. Слава богу, не я – я бы точно умерла от ужаса! Сестра же ничего не боялась; не дожидаясь помощи отца, она сама начала карабкаться в окно. Заскрежетали тугие запоры – и Роуз с торжествующим видом распахнула дверь.

В темном, холодном квадратном холле витал противный запах плесени. Вся отделка была разрисована под дерево тускло-рыжеватой краской.

– Так испортить великолепную старую обшивку! У кого только рука поднялась?! – вскипел отец.

За дверью по левой стороне мы обнаружили оклеенную темно-красными обоями комнату с большим камином. Несмотря на славное маленькое окошко, выходящее в сад, мне стало жутко. Отец, встав на цыпочки, стукнул по потолку.

– Подвесной! Господи, до чего же испоганили дом викторианцы!

Другой ход из холла вел в просторный зал, теперь у нас там гостиная. Мы с Роуз бросились к окну и залезли на широкий подоконник. Отец открыл тяжелые створки. Ров! В неподвижной воде отразились наши лица. Отметив внушительную толщину стены, отец объяснил, что дом возведен на развалинах замка при Стюартах.

– Когда-то он был прекрасен... Вернуть прежнюю красоту еще можно. – Взгляд отца устремился вдаль, к линии горизонта за скошенным полем. – Только представьте, какой замечательный вид тут открывается летом: от самого рва – золотое море пшеницы!

Обои в зале он разнес в пух и прах. Якобы на них не узор, а гигантские расплющенные жабы. Верно подметил. Еще здесь имелся уродливый камин, облицованный плиткой табачного цвета. Правда, пейзаж за ромбовидными окошками был чудесен: пышный зеленый сад, озаренный закатным светом! А в ров я просто влюбилась.

Пока мы с Роуз махали своим отражениям в воде, отец по короткому коридору перешел в кухню.

– Свины! Свины! – донеслись до нас его громкие возгласы.

Сперва я решила, что он нашел живых поросят, но, как выяснилось, речь по-прежнему шла о жильцах-вандалах. В кухне действительно творилось ужасное: сплошь перегородки, перегородки!.. В одном из закутков, видимо, держали кур. Обширный подвесной потолок провис, лестница и шкафы для посуды, как и холл, были выкрашены в рыжий. Больше всего меня расстроила груда тряпья и соломы – тут явно ночевали бродяги. Я отошла от нее подальше и очень обрадовалась, когда отец, завершив осмотр, отправился наверх.

Спальни не сильно отличались от комнат на первом этаже: те же подвесные потолки, жуткие камины, кошмарные обои. И все же одна из комнат мне понравилась – из нее открывался проход в круглую башню! (Здесь теперь наша с Роуз спальня.) Отец толкнул дверь: заколочена. Вернулись на лестничную площадку.

– Угловая башня, которую мы видели с улицы, должна быть где-то здесь, – проговорил он.

Мы юркнули за ним в спальню Томаса и, осмотрев ее, перешли в ванную комнату. Огромную ванну обрамляла широкая кайма красного дерева; тут же друг подле друга стояли два унитаза с деревянными сиденьями (тоже красного дерева) и одной на оба отверстия крышкой. На фаянсе был изображен Виндзорский замок; при нажатии рычага слива дно с нижней частью замка падало вниз. Выше красовалась надпись, оставшаяся от прежних жильцов: «С твоею поддержкой да буду невредим». Опустившись на край ванны, отец громко расхохотался.

Здесь мы ничего менять не стали, надпись цела до сих пор.

Ход в угловую башню располагался между ванной и унитазами. Двери не было. Мы хотели подняться вверх, но каменные ступени винтовой лестницы так сильно раскрошились, что пришлось повернуть обратно. Добрались только до выхода на широкую, обрамленную парпетом стену. Далеко внизу, в автомобиле, мать укачивала Томаса.

– Не шумите, – предупредил отец. – Если она нас заметит, то решит, что мы непременно свернем себе шеи.

Стена привела нас к башне у ворот; спустившись по лестнице, мы очутились перед дверью в караульную комнату.

– Слава богу, хоть здесь ничего не испорчено! – обрадовался отец. – Лучшего места для работы не найти!

С одной стороны окна выходили во двор, с другой – на подъездную аллею. В башне ступени сохранились неплохо, и мы решили подняться на площадку. С трудом карабкаясь в темноте наверх, я сто раз прокляла долговечность лестницы. Отец время от времени зажигал спички, но на фоне огня темнота казалась еще гуще. Холодный шершавый камень неприятно впивался в ладони и голые колени. Зато на верхней площадке, опоясанной парпетом, стало ясно, что дело того стоило! В жизни так высоко не забиралась! Ах, как я радовалась своей храбрости. Хотя какой может быть выбор, когда тебя сзади подгоняет Роуз?

Мы рассматривали аллею, бескрайние поля, разделенные кустарником на лоскуты участков... С такой высоты замечаешь все! Там и сям темнели рожицы; слева, на расстоянии около мили, стояла крошечная деревенька. Мы перешли на противоположную сторону, чтобы оглядеть сад... и дружно воскликнули:

– Вот она!

За разрушенной стеной западной стороны двора, на маленьком холме высилась башня, та самая, ради которой мы проделали столь длинный путь. Ума не приложу, почему никто не

заметил ее от ворот. Вероятно, из-за разросшегося сада. Или из-за дома – так он нас впечатлил, что мы уже ничего, кроме него, не видели.

Отец нырнул вниз, к лестнице.

– Подожди, подожди! – закричала я.

Он подхватил меня на руки, а Роуз пошла вперед, зажигая спички одну за другой. По расчетам отца, ступени выходили в арку ворот, но дойти мы успели лишь до проема, ведущего на стену, – спички закончились. Пришлось вернуться в ванную комнату и по чудесной парадной лестнице спуститься в холл. У двери мы столкнулись с мамой, тащившей за собой недовольного, сонного Томаса (оставаться в машине один брат не любил). Она нас потеряла. Отец показал ей башню – теперь-то мы сразу ее заметили! – и, предложив всем туда прогуляться, ринулся в дебри сада. Идти так далеко с Томасом мать побоялась. У меня мелькнула мысль, что нужно бы остаться с ней, но я припустила за Роуз и отцом.

Мы перелезли через разрушенную стену за садом и, пробежав по шаткому мосту через ров, очутились у подножия холма; отец объяснил, что это не естественный холм, а старинное земляное укрепление (с тех пор мы зовем холм насыпью). Здесь не было ни камней, ни руин, сплошь короткий ровный дерн. Путь к вершине преграждали несколько валов – внешних укреплений, за которыми расстилалось просторное травяное плато. На дальнем краю плато виднелась насыпь поменьше, круглая, идеально гладкая. Над ней и вздымалась шестидесятифутовая башня – черная громадина на фоне угасающего заката.

Ко входу в башню, на пятнадцать футов вверх, вели каменные ступени. Отец изо всех сил пытался открыть дверь, но безуспешно; внутрь в тот вечер заглянуть не удалось.

Мы прогулялись вокруг маленькой насыпи. Отец сказал, что она называется «молт», а обширное травяное плато – «бейли», и вся эта часть гораздо старше замка со рвом.

Солнце село, поднялся ветер; в густеющих сумерках древние развалины казались мне уже не сказочными, а страшными. Отец, радостный и взволнованный, все говорил, говорил... А Роуз вдруг обронила:

– Наверное, в такой же башне жила старуха Демдаик из «Ланкаширских ведьм».

Сестра как-то зачитывала мне самые жуткие отрывки из этой книги – так напугала, что даже родители вмешались.

И тут снизу донесся странный, почти отчаянный зов матери. Схватив Роуз за руку, я воскликнула:

– Бежим! Маме страшно!

Да, я себя убеждала, что мчусь на помощь матери, хотя мне просто-напросто хотелось удрать подальше от зловещей насыпи с башней.

Отец сказал, что пойдем вместе. Перебравшись через валы, мы с сестрой взяли за руки и припустили вниз по склону, быстрее и быстрее – я даже подумала, не упадем ли?.. До самого замка страх не оставлял меня ни на секунду. Но мне нравилось. Да весь тот вечер был одновременно ужасным и прекрасным!

Мама сидела на пороге парадной двери, покачивая спящего Томаса.

– Правда, великолепно?! – вскричал отец. – Я куплю его! Пусть даже придется продать последнюю рубашку!

– Если таков мой крест, – отозвалась мама, – Господь даст мне сил его нести.

Отец, как ни странно, только расхохотался. До сих пор не пойму, шутила она или нет... Ее образ почти стерся из моего сознания. Вспоминаются слова, а звук голоса – нет. Помню согнутую фигурку на ступенях дома, помню затылок над спинкой автомобильного кресла, коричневый твидовый костюм, мягкую фетровую шляпу... Лица не помню. Совсем. Лишь фотография встает перед глазами.

Мы с мамой ушли в машину, а отец бродил по развалинам, пока окончательно не стемнело. Заметив его силуэт на крепостной стене у ворот, я чуть не ахнула: неужели и я там сто-

яла? Даже в сумерках мне удалось рассмотреть золотистый цвет его волос и величественный профиль. Отец был худощав, но широкоплеч – словом, всегда выглядел внушительно.

От избытка эмоций обратно в Кингз-Крипт он мчал на бешеной скорости; меня, Роуз и Томаса непрерывно подбрасывало. Мама заметила, что на узкой дороге так гнать опасно. Отец сбросил газ до минимума, и автомобиль пополз словно черепаха. Мы с сестрой захохотали.

– Джеймс, всему есть мера, Томасу пора в постель.

Брат внезапно открыл глаза и, приподнявшись, пробормотал:

– Боже мой, ну конечно, пора!

Теперь смеялись все, даже мать.

На следующий день, наведя справки, отец отправился в Скоутни-Холл. Продать замок мистер Коттон не пожелал, но согласился на аренду в сорок лет.

– В доме можно делать все, что угодно! – с улыбкой объявил отец. – По мнению почтенного джентльмена, портить там нечего – куда уж хуже.

И отец постарался! Дом заметно похорошел: его побелили; в гостиной из-под восьми слоев обоев извлекли на свет божий первоначальную деревянную отделку; убрали самые страшные каминные, подвесные потолки и перегородки в кухне. В планах значилось многое – подведение отопления, электричество, – но отец еще до начала ремонта истратил столько денег на антикварную мебель, что на остальном, по настоянию матери, решили экономить. Недостающее надеялись приобрести позже. Например, когда отец напишет новую книгу.

Переехали мы весной. Особенно меня впечатлила отремонтированная гостиная. Все в ней дышало свежестью: шторы с цветочным узором, сияющая старинная мебель, белая обшивка (испорченное дерево пришлось покрасить). Большой кувшин с молодыми зелеными листьями бука меня буквально заморозил. Я сидела на полу, не сводя с него глаз, а Роуз играла на старом мамином рояле пьесу «Водяной лилии». Тут вошел радостный отец и, весело объявив, что нас ждет сюрприз, широко распахнул створки окна. В наполненном водой рву тихо плавали два лебедя. Перегнувшись через подоконник, мы начали бросать птицам хлеб; в комнату хлынул весенний прохладный воздух, легкий ветерок осторожно покачивал буковые листья.

Я вышла в сад. Кругом зеленела подстриженная трава и аккуратные клумбы. Первые лакфиоли пахли просто необыкновенно!

Отец расставлял книги в комнатке над воротами.

– Ну разве не чудесный у нас дом? – крикнул он мне из окна.

Чудесный, согласилась я. И по-прежнему так считаю. Хотя после зимовки тут Северный полюс покажется тропиками.

До чего удивительна память! Закрывая глаза, я вижу три разных замка: один – в закатном свете, каким он предстал нам в первый вечер; другой – свежий и чистый, каким он был, когда мы переехали; и третий – замок нынешний...

Последняя картина очень печальна. Великолепная мебель исчезла. В столовой остался лишь ковер. Не скажу, что нам ее не хватает: как раз эту комнату мы осматривали в день «знакомства» первой. Да и от кухни она далековато. В гостиной еще стоят кресла и рояль – хвала Небесам, никто его не купит, уж больно он старый и громоздкий. Прелестные шторы выцвели. В общем, вид у залов запущенный. Каждую весну мы старательно все намываем-вычищаем, чтобы освежить дом хоть чуть-чуть. Ну, хотя бы буковые листья всегда под рукой...

Обеднели мы лет пять назад; после смерти матери на плаву нас держали, видимо, оставленные ею деньги. Разумеется, тогда меня финансовые дела не интересовали. Я не сомневалась, что отец рано или поздно начнет зарабатывать: он ведь гений, а гениев торопить нельзя! Это нам внушила мама.

Так что же происходит? Чем отец занимается?

Вчера я упомянула, будто он дни напролет сидит над детективами. Глупость, конечно! Мисс Марси редко приносит больше двух книг в неделю (хотя время от времени он действительно перечитывает одно и то же; странно, правда?). Детективами отец не ограничивается. Все ценные книги мы продали (как же я по ним скучаю!), но осталась куча других – например, старая энциклопедия «Британника» (неполная). Читает он ее, переходя по перекрестным ссылкам, для него это вроде игры. Еще отец много думает: стучу иногда к нему в караульную, стучу – нет ответа; вхожу – а он сидит, неподвижно глядя в пространство. В хорошую погоду отец часто подолгу гуляет, только последние несколько месяцев почти не выходил. С лондонскими друзьями отношения давно разорваны. Здесь он подружился лишь с викарием. Вот кто чудеснейший человек! Неженат, за домом следит пожилая экономка.

Хотя, если подумать, минувшей зимой отец и викария избегал.

Из-за отцовской нелюдимости познакомиться с местными жителями нам толком не удалось – да знакомиться и не с кем. Деревня симпатичная, совсем крошечная: церковь, дом викария, небольшая школа, гостиница, магазин (по совместительству почта) и горстка домиков. Впрочем, много людей приходит из близлежащих селений и ферм на службы в церковь.

Название у деревни самое неподходящее – Годсенд³. Так исказили древнее название Годис-Енд, данное в честь норманнского рыцаря Этьена де Годиса, основателя замка Вильмотт. Наш замок, над которым построен дом, тоже носит имя Годсенд, но его возвели уже потомки де Годиса.

Откуда взялось название Вильмотт, неизвестно. Оно относится не только к башне, но и к насыпи. «Виль»⁴ наводит на мысли о французском языке. Однако викарий уверен, что речь о Виле, финикийском боге солнца: насыпь буквально создана для ритуальных костров в праздник летнего солнцестояния. Норманны, по его мнению, потом просто ею воспользовались. Отец в теорию с богом не верит, так как финикийцы поклонялись не солнцу, а звездам.

Только мне все равно: на такой прекрасной насыпи одно удовольствие поклоняться что солнцу, что звездам. Я и сама провожу там священные обряды.

Хотела скопировать в дневник доклад о замках, который готовила для школьного исторического общества, но он невероятно длинный, да еще написан витиевато (как в школе стерпели это занудство?). Придется упростить и укоротить.

ЗАМКИ

В ранненорманнский период основу укреплений составляли рвы, насыпи и палисады, за которыми располагались деревянные жилища. Иногда к ним примыкал искусственный земляной холм (мотт) – для наблюдения. Затем появились огромные квадратные башни из камня (цитадели). Вскоре выяснилось, что углы башен можно подрывать (то есть подкапывать – никакой взрывчатки, конечно), поэтому их начали строить круглыми, как Вильмотт.

Еще позже башни-цитадели опоясали высоким каменным забором – куртиной. Двор обычно представлял собой четырехугольник с выступающими башнями по углам, у ворот и в середине каждой стены: с таких башен открывался хороший обзор, и защитники успевали вовремя отогнать врагов, пытавшихся сделать подкоп или взобраться наверх. Впрочем, у противников в запасе было немало иных полезных штук для осады замка. Например, катапультами они забрасывали во двор огромные валуны и дохлых лошадей, что вносило смутение в ряды осажденных.

³ Дар Бога (*англ.*).

⁴ Ville (*фр.*) – город.

В конце концов кто-то придумал окружить куртину рвом. А вырыть ров можно лишь вокруг замка, стоящего на равнине. К моменту строительства замка Годсенд возведенная на насыпи башня-цитадель Вильмотт явно устарела. Постепенно устарели и замки...

Крепостную стену нашего замка с двух сторон (и немножко с третьей) разрушили круглоголовые Кромвеля. Род де Годиса оборвался еще раньше; по женской линии оба замка отошли семейству Коттон из Скоутни. На руинах новые хозяева построили вдовый флигель, а затем отдали его под ферму. Теперь дом ни то, ни другое – просто жилище разоренных Мортмейнов.

Где же достать денег? Ведь у нас наверняка довольно ума, чтобы заработать хоть горстку пенсов... или выйти замуж. Имею в виду Роуз, конечно. Мне что брак, что могила – одинаково соблазнительны. Да и какая из меня мать семейства? Вот бы Роуз встретить хорошего мужчину. Только где?

Раньше мы каждый год ездили в Челси к тетушке отца; большая поклонница искусства, она постоянно собирает у себя художников. В ее величественном особняке с прудом и лилиями отец и встретил Топаз. Тетушка Миллисента не простила ему этот брак, поэтому в гости нас больше не зовет. Обидно! Значит, с мужчинами нам никогда не познакомиться. Даже с художниками... Господи! Похоже, я падаю духом.

Пока записывала воспоминания, почти физически перенеслась в прошлое: как наяву, видела золотое сияние осени, серебряный блеск весны, странный, волнующий серый отсвет былых веков... И снова возвращение с небес на землю. В чердачное окно барабанит дождь, с лестницы тянет ледяной сквозняк; Аб удрал вниз, живот начинает подмерзать.

Ну и ливень! Косые струи занавешивают Вильмотт, точно вуаль. Башня прекрасна в любую погоду – хоть в пасмурную, хоть в солнечную. Жаль, что сейчас не день летнего солнцестояния, а то бы развела на насыпи костер.

В емкости забулькало: Стивен закачивает воду. Сегодня же моя очередь принимать ванну! Какое счастье! Раз Стивен в кухне, значит, пора пить чай. Пожалуй, спущусь. Буду со всеми внимательна и добра. Благородные поступки и горячая ванна – лучшее лекарство от хандры.

IV

Кто бы подумал, чем закончится вчерашний вечер! У нас событие!

Мне не терпится пустить воображение вскачь и пофантазировать о будущем. К сожалению, как я заметила, стоит раз мечтаться – и тогда точно ничего не сбудется, поэтому сдерживаюсь. Чем подстегивать смелые надежды, лучше, упиваясь тихим ликованием, описать вечер с самого начала. Теперь каждый его миг кажется мне волнующим.

Я укрылась в сарае (вообще-то мы сдали его мистеру Стеббинсу, но денег за аренду давно не получаем, потому что изрядно задолжали фермеру за молоко и масло). После вчерашнего Роуз и Топаз затеяли в гостиной весеннюю генеральную уборку. Обе так веселы! Когда я от них улизнала, сестра звонко напевала «Остров Капри», а мачеха грудным голосом выводила песню шанти «Сбей его с ног». Утро тоже выдалось радостным, солнечным и довольно теплым, хотя деревня еще почти по окна в воде.

Сижу на огромном ворохе соломы; для света приотворила небольшую квадратную дверцу под крышей. Вдалеке за стерней, за пашней, за мокрой озимой пшеницей виднеется деревня; воздух тих и неподвижен, над трубами ровными столбиками поднимается дым. Мир вокруг чистый, свежий, бледно-золотой; природа будто застыла в предвкушении лучших дней.

Вчера, спустившись с чердака, я обнаружила, что Роуз и Топаз перекрасили все попавшее под руку. Даже полотенце с тряпкой для мытья посуды! Процесс увлек и меня, стоило только окунуть носовой платок в жестяную ванну с зеленой краской. Чувствуешь себя сродни

Богу, когда по твоей воле меняется цвет вещей. То же я проделала с обеими ночными сорочками. Потом мы дружно взялись за простыни, но с ними пришлось столько возиться, что наш пыл поугас. К чаю пришел отец и в ужасе уставился на свой желтый (прежде) кардиган. Новый цвет старого мха ему жутко не понравился. А наши перепачканные зеленым руки он назвал отвратительными.

Кстати, в доме появилось настоящее масло! Мистер Стеббинс угостил Стивена, когда тот ходил договариваться по поводу работы на ферме, а миссис Стеббинс передала еще и соты (сегодня у Стивена первый рабочий день). Яства были поставлены напротив моего места, поэтому за столом я чувствовала себя хозяйкой. Даже у миллионеров наверняка нет к чаю ничего лучше свежего хлеба, настоящего масла и меда.

Ну и ливень хлестал во время ужина! Жуть. Не люблю разгула стихий. Не потому, что страшно, – просто воображаю, как треплет ветром и заливает грязью несчастную деревню, а потом мне начинает казаться, будто треплет ветром и заливает грязью меня. Роуз же, напротив, словно подбадривает непогоду: то гром бы ей мощнее грохнул, то молния бы ярче сверкнула...

Выглянув за дверь, сестра сообщила, что сад полностью затоплен.

– А дорожка станет рекой, – удовлетворенно добавила она, даже не вспомнив, что бедняге Томасу там через час ехать на велосипеде. (Он задержался в школе на дополнительную лекцию.)

– Какое простодушное восхищение природными катаклизмами! – хмыкнул отец. – Напомню для полной радости, что в крыше вот-вот откроются шесть великолепных течей.

В кухне Стивен уже подставил ведро под струйку воды. Я сказала, что на чердаке давно закапало в двух местах, но не стоит беспокоиться: ведра на месте. Стивен отправился проверить, не набрались ли они до краев, а вернувшись, сообщил о четырех новых протечках. Ведра у нас закончились, пришлось взять три кастрюли и супницу.

– Наверное, мне лучше посидеть наверху, чтобы вовремя опорожнять посуду, – сказал Стивен и, вооружившись книгой и свечными огарками, отправился на чердак. Грустно, должно быть, читать стихи под бульканье с шести сторон.

Мы перемыли тарелки, и Роуз с Топаз ушли в прачечную развернуть крашенные простыни. Отец молча сидел у камина, неподвижно глядя перед собой, – ждал, когда закончится дождь, чтобы вернуться в караульную. Мне вдруг стало страшно и горько: как я все-таки от него отдалилась... Тихо подойдя к креслу, я села на решетку, заговорила о погоде – и неожиданно поняла, что говорю с отцом, будто с незнакомцем. От огорчения я умолкла. В голову не приходило ни слова.

Спустя несколько минут отец сказал:

– Значит, Стивен нашел работу в Четырех Камнях...

Я кивнула, а он как-то странно на меня посмотрел и спросил, нравится ли мне Стивен.

– Конечно, – ответила я, – только стихи его... смущают.

– Расскажи ему, что тебе все известно о стихах. Что они чужие, – проговорил отец. – Ты сумеешь преподнести это правильно. Подтолкни его. Пусть напишет сам, хоть плохонькое. Только держись спокойно, никаких эмоций. Лучше чуть резко.

– Вряд ли ему понравится, – заметила я. – Резкость он примет за высокомерие. Ты ведь знаешь о его нежных чувствах ко мне.

– Потому и нужна капля резкости, – ответил он. – Если только... Разумеется, он красив, как Аполлон... Я рад, что его интересуешь ты, а не Роуз. – Наверное, вид у меня был крайне озадаченный, потому что отец вдруг улыбнулся. – Не забивай себе голову. С твоей рассудительностью ты сделаешь верный выбор интуитивно. Нет смысла просить совета у Топаз – она лишь обрадуется: все великолепно, все естественно. Возможно, так и есть. Кто знает, что из вас, девочки, выйдет...

Я вдруг поняла, о чем он.

– Хорошо, буду резкой. В пределах разумного, конечно.

Только отважусь ли я на такой разговор? Есть ли в нем необходимость? Увлечение Стивена ведь несерьезно, правда? Просто детская привязанность. Однако отец посеял в моей душе сомнения. Я теперь постоянно вспоминаю, каким странным голосом Стивен спрашивал меня о голоде. Тревожный знак, но... так приятно! Нет, довольно размышлений. Подобная чепуха меня не интересует – вот для Роуз самое то. Понятно, почему отец радовался, что Стивен увлечен мной, а не ею.

Из прачечной вернулась Топаз и поставила разогреваться утюги; отец сразу сменил тему – спросил, всю ли свою одежду я перекрасила в зеленый. Я ответила, что красить особенно было нечего.

– А длинных платьев у тебя нет?

– Ни одного, – призналась я (если смотреть правде в глаза, вряд ли у меня когда-нибудь появится взрослая одежда). – Но школьное платье еще держится, к тому же оно очень удобное.

– Надо перешить ей что-нибудь из моих, – сказала Топаз и вновь ушла в прачечную.

Я расстроилась: вдруг отец решит, будто я упрекаю его в скудости гардероба? И, спеша сменить тему, задала наименее тактичный вопрос:

– Как работа?

На его лице появилось отрешенное выражение.

– Ты уже взрослая, чтобы верить в сказки.

Конечно, я сглупила. Но раз терять нечего, отчего бы не зайти чуть дальше?

– Скажи честно... ты даже не пытаешься?

– Дорогая Кассандра... – Таким резким тоном он говорил крайне редко. – Я не писатель. Пора бы забыть этот миф. На платья я тебе не заработаю, запомни раз и навсегда.

Не проронив больше ни слова, отец поднялся из кресла и зашагал вверх по лестнице.

От злости на саму себя я разве что волосы не рвала: так испортить наш разговор! Первый за долгие месяцы!

Тут вошел Томас, мокрый как мышь. Я его предупредила, что лучше подняться через парадную лестницу, а не через спальню, и дала сухое белье (к счастью, успели все переглядеть). Затем побежала наверх проведать Стивена.

Распластавшись на животе, Стивен читал; вокруг открытой книги мерцали свечные огарки, ярко озаряя его лицо. Какое-то время я просто стояла и смотрела на его шевелящиеся губы – пока он меня не заметил.

Кастрюли набрались до краев; мы вылили воду в окно. В караульне горел свет. Значит, отец ушел к себе, невзирая на дождь. Впрочем, ливень начал понемногу стихать. В саду пахло свежестью. Я высунулась наружу: на улице было намного теплее. Дому всегда нужно время, чтобы привыкнуть к новой погоде.

– Скоро наступит ваша любимая весна, мисс Кассандра, – улыбнулся Стивен.

Мы жадно втягивали носами свежий воздух.

– Какая-то в нем мягкость, правда? – сказала я. – Будем считать, что дождь уже весенний... Или я жульничаю? Знаешь, каждый год стараюсь вымотать весну пораньше.

Он тоже высунулся в окно и глубоко вдохнул.

– Все верно, мисс Кассандра, зиме конец. Может, холода еще вернуться, но весна уже берет свое. – Стивен вдруг улыбнулся, не мне, а в пространство перед собой. – Начало – самое лучшее время.

Закрыв створки, мы снова поставили кастрюли под течи, и по пустым металлическим доньям мелодично зазвенели капли. Огарки свечей отбрасывали причудливые тени, в их мерцающем свете Стивен казался очень высоким. Отец назвал его красивым, как Аполлон... Ой, мне ведь следовало держаться порезче! Совсем забыла.

Мы спустились в кухню, я поставила Томасу еду.

Топаз уютно устроилась в шелковом платье: в прошлом бледно-голубое, а теперь бирюзово-зеленое. Красивый, необычный оттенок. Видимо, от такого зрелища Роуз и стала еще угрюмей – она как раз расправляла для глажки свое плохо окрасившееся ситцевое платьице.

– И стоило вообще возиться с летней одеждой? – фыркнула она. – По-моему, теплые дни вообще не наступят.

– Да уже запахло весной! – ответила я. – Выгляни на улицу, сама почувствуешь.

К смене времен года Роуз равнодушна, поэтому пропустила мое замечание мимо ушей. Зато Топаз сразу поспешила к двери: раскрыла ее настежь, запрокинула голову и, разведя руки в стороны, глубоко-глубоко вдохнула.

– Запах, конечно, пока легкий, хорошо не распробуешь, – уточнила я, но поглощенная своими ощущениями мачеха меня не слушала. Наверное, ринется сейчас в темноту за порогом... Не ринулась. Пару раз глубоко вдохнув, Топаз ушла наверх мерить отутюженное платье.

– Не понять мне этого... – проговорила сестра. – Хотя столько лет живем под одной крышей. К чему ее причуды? То ли действительно зов души, то ли игра на публику, то ли игра для себя.

– По-моему, и то, и другое, и третье, – ответила я. – Если ей так жить веселее, не мне ее упрекать.

Роуз вышла на порог, с минуту постояла, однако ночной воздух ее уныния не развеял.

– Я уже готова на любое безрассудство! – сказала она, захлопывая дверь. – Придумать бы только какое...

– Да что с тобой, Роуз? – спросил Томас. – Каждый день спектакль! Надоело. С Топаз хоть посмеяться можно, а ты вечно угрюмая.

– Не разговаривай с набитым ртом, – отрезала сестра. – Мне тошно. Ни платьев, ни надежд на будущее... Живу среди развалин. И нечего ждать, кроме старости.

– Мы живем так много лет, – возразил он. – Почему ты вдруг захандрила?

– Просто зима, долгая, холодная... – предположила я.

– Просто моя жизнь – зима. Долгая, холодная... – огрызнулась Роуз.

Томас чуть не подавился от хохота. Даже сестра рассмеялась – видимо, осталась капля здравого смысла – и под села к нам за стол уже не такая хмурая.

– Стивен, – сказала она, – ты ведь ходишь в церковь. Как там прихожане, верят еще в дьявола?

– Некоторые – да, – ответил он, – а сам викарий, по-моему, не верит.

– Дьявол вышел из моды, – встала я.

– Тогда ему польстит, что я по-прежнему в него верю. Пусть постарается для меня. Я продам ему душу, как Фауст!

– Фауст продал душу, чтобы вернуть молодость, – заметил Томас.

– А я продам, чтобы хорошо провести пока имеющуюся! – отозвалась Роуз. – Интересно, он меня услышит, если просто крикнуть? Или нужно отыскать Дьявольский овраг, Чертов колодец... ну, что-то в таком духе?

– Попробуй загадать желание на нашей горгулье, – поддержала я затею – давно мы не видели нашу отчаявшуюся Роуз в таком игривом настроении.

– Стивен, принеси-ка лестницу! – велела она.

Горгульей мы называем высеченную из камня голову над очагом. По мнению отца, раньше тут стояла часовня: местами сохранились участки резьбы и ниша – вероятно, для чаши со святой водой. Только узоры на старой стене из-за многочисленных побелок уже почти не видны.

– Лестница туда не достанет, мисс Роуз, – заметил Стивен, – и викарий говорит, что это ангел.

– Зато сейчас у него дьявольское выражение лица, – весело парировала сестра. – К тому же дьявол – это падший ангел.

Мы задрали головы: в каменном лике и правда было что-то зловещее; от кудрей осталось лишь несколько завитков – вылитые рожки.

– Возможно, и подействует сильнее, если загадывать желание на ангеле, думая о дьяволе, – предположила я. – Так ведьмы служат мессу наоборот.

– А если поднять тебя блоком в сушилке для белья? – подкинул идею Томас.

На сушилке, подтянутой под потолок, висели крашенные простыни. Роуз велела Стивену опустить ее вниз, но тот вопросительно взглянул на меня: опускать? Нахмурившись, сестра сама подошла к блоку.

– Если для твоих шалостей нужна эта штука, – сказала я, – давай сначала снимем простыни.

Когда сушилка съехала вниз, Стивен помог мне перевесить белье на специальные рамы. Роуз села в середину полки, проверяя ее прочность, а Томас ухватился за веревку.

– Вас выдержит, – уверенно произнес Стивен. – Я сам помогал плотнику. Дерево очень крепкое. Насчет блока и веревки не знаю.

Я уселась рядом с сестрой. Если под двойным весом ничего не оборвется, не сломается, значит, один вес точно выдержит. По глазам и пылающему лицу Роуз я поняла: отговаривать бесполезно. Для верности мы слегка подпрыгнули.

– Все нормально, – подытожила сестра. – Тащите!

Стивен бросился помогать Томасу.

– Отойдите, мисс Кассандра, это опасно.

– А если я сверну шею? Тебя не волнует? – ядовито заметила Роуз.

– Ну почему же? Волнует, – возразил он. – Только я знаю, вас не переубедить. В любом случае загадывать желание на ангеле хотели вы, а не мисс Кассандра.

Я бы с удовольствием загадала желание на чем угодно, но под потолок не полезла бы ни за какие коврижки.

– Говорю вам, это не ангел, а дьявол! – Беспечно болтая ногами, Роуз обвела нас взглядом и спросила: – Никто не хочет рискнуть вместо меня?

– Нет! – хором воскликнули мы, чем наверняка ее раздосадовали.

– Ладно, тогда я сама, – вздохнула она. – Поднимайте!

Мальчики потянули веревку. Когда сушилка поднялась на высоту в десять футов, я попросила их на секунду остановиться и поинтересовалась у сестры:

– Как ощущения, Роуз?

– М-м-м... своеобразные, но скорее приятные. Тяните!

Сушилка вновь поползла вверх. Каменная голова располагалась футах в двадцати от пола; чем выше поднималась Роуз, тем сильнее сжималось у меня сердце – кажется, лишь в тот миг до меня дошло, как опасна затея. В нескольких футах от горгульи сушилка остановилась.

– Выше не поднимается! – крикнул Стивен. – Все, предел!

Сестра попыталась дотянуться до ангела, но не смогла.

– Тут есть выступ! – громко сообщила она. – Похоже, остатки древних ступеней.

Подавшись вперед, Роуз схватилась за выпирающий камень и перешла на выступ в стене. Настольная лампа светила слабо; я толком не видела, что происходит под потолком, но трюки сестры мне ужасно не понравились.

– Давай быстрее! – крикнула я. Противно сосало под ложечкой, колени дрожали.

До головы оставался всего шаг.

– Да уж, не красавец! – фыркнула Роуз. – Кассандра, что ему сказать?

– Погладь его по голове! – предложила я. – Бедняге, наверное, уже несколько веков не перепадало внимания и ласки.

Сестра погладила скульптуру. Я взяла со стола лампу, подняла ее повыше, но слабый свет так и не рассеял темноту под потолком. Зрелище было необычным: Роуз словно парила у стены. Или нет. Скорее она напоминала настенную фреску. Тут я продекламировала:

Дьявол небесный иль адский святой,
Исполни желанье, услышь скорбный вой,
Замку пошли божественный дар...

И запнулась.

– Если он дьявол, то и дар, значит, дьявольский, – заметил Томас.

В то же мгновение с дороги донесся резкий автомобильный гудок. Брат хохотнул:

– Вот и нечистый за тобой пожаловал!

Роуз вздрогнула.

– Спускайте! – крикнула она странным голосом и прыгнула на сушилку.

Прыжок застал мальчиков врасплох. Веревка натянулась, как струна. Я похолодела от ужаса: не удержат! Хвала Небесам, удержали. И аккуратно спустили вниз. Соскочив с полки, сестра обессиленно плюхнулась на пол.

– Меня напугал автомобильный гудок, – дрожа, сказала она. – Глянула вниз – и голова закружилась.

Я попросила ее подробнее описать ощущения, испытанные наверху; она ответила, что ничего особенного не чувствовала, пока не закружилась голова. Этим-то мы с ней и отличаемся. Меня накрыла бы лавина эмоций, и каждую эмоцию я постаралась бы запомнить; а Роуз думала лишь о желании и каменной голове.

– Ты так и не загадала желание? – спросила я.

Она засмеялась.

– Ну почему же? Шепнула кое-что. Личное...

В кухню спустилась Топаз. В черном непромокаемом плаще, зюйдвестке и резиновых сапогах – вылитый рыбак перед выходом в море. Она пожаловалась, что в шелковом платье теперь не вздохнуть, так оно село после окраски; словом, Роуз может забрать его себе. И вышла на улицу, оставив дверь нараспашку.

– Только не прогуляй всю ночь! – крикнул вслед Томас.

– Вот и началась у тебя, Роуз, полоса везения, – заметила я.

Сестра вихрем ринулась наверх мерить платье, а брат ушел в свою комнату учить уроки. Наконец-то можно принять ванну! Я поинтересовалась у Стивена, не против ли он, если я расположусь в кухне. То есть обычно я здесь и купаюсь, но мне всегда неловко: бедняге приходится где-нибудь гулять, причем довольно долго. Он тактично ответил, что у него как раз работа в сарае, и предложил помощь с ванной.

– Точно! В ней же краска! – вспомнила я.

Мы вылили зеленую жижу, потом Стивен все хорошенько прополоскал.

– Только боюсь, мисс Кассандра, вдруг вы все-таки окраситесь? – сказал он. – Может, лучше наверху искупаться?

Ванна на втором этаже такая огромная, что горячей водой ее больше чем на несколько дюймов не наполнишь, да еще из башни тянет сквозняк. Нет уж, лучше позеленеть. Мы перенесли ванну к огню; Стивен натаскал горячей воды и помог мне огородиться рамами, на которых сохли крашенные простыни (обычно ширмой служат чехлы для мебели). Высота рам целых пять футов, поэтому ванну я принимаю в полном уединении самым приличным образом; но все же приятнее, если в кухне никого нет.

– Что будете читать сегодня, мисс Кассандра? – спросил Стивен.

Я ответила, что возьму старую энциклопедию, буквы Г – Д, «Человек и сверхчеловек» Бернарда Шоу (вновь позаимствовала пьесу у викария – боюсь, пять лет назад я пропустила в ней самое интересное) и журнал «Домашние беседы» за прошлую неделю, который мне любезно одолжила мисс Марси. Люблю, когда под рукой стопка, есть из чего выбрать. Пока я складывала купальные принадлежности, Стивен принес книги.

Перед уходом в сарай, уже запалив фонарь, он вдруг вручил мне плитку молочного шоколада с орехами. За целых два пенса!

– Откуда такая роскошь? – ахнула я.

Как выяснилось, шоколад он взял в счет будущей зарплаты – у него ведь теперь работа.

– Я знаю, вы любите есть в ванной, мисс Кассандра. Книги, шоколад... Больше ничего сюда не притащишь, верно? Может, радиоприемник...

– Только не покупай в кредит приемник! – засмеялась я и снова поблагодарила за шоколадку. Попыталась отломить кусочек Стивену, но он, наотрез отказавшись от угощения, ушел в сарай.

Едва я приготовилась лечь в ванну, у черного хода заскулила Элоиза. Пришлось впустить. Ей хотелось к огню, что меня не обрадовало: от избытка чувств она всегда царапает емкость лапами – скрежет стоит на весь дом! К счастью, собака оказалась сонной, поэтому соседствовали мы мирно.

За высокой, не пропускающей сквозняк загородкой было очень уютно; розовый отсвет пламени придавал зеленым простыням необычный оттенок. Чтобы не окраситься, я подложила под себя большое блюдо – по-моему, блестящая мысль. Правда, выгравированный узор немного мешал.

Наверное, люди сначала моются, а потом нежатся в теплой воде; я делаю наоборот. По моему опыту, первые несколько минут – самые блаженные, грех тратить их впустую. В голове кружит хоровод фантазий, все видится в радужном свете...

Отец утверждает, будто горячая ванна действует как спиртное. Охотно верю. Хотя алкоголь никогда не пила (если не считать маленькую склянку портвейна, который мне одалживает викарий для проведения обрядов в праздник летнего солнцестояния). Итак, сначала я греюсь, потом купаюсь, а потом читаю, пока вода не начнет остывать. Вот эта последняя стадия, когда предвкушать уже нечего, у меня самая нелюбимая. Вероятно, и с алкоголем так.

Нежась в ванне, я думала о семье. Лишь благодаря горячей воде эти мысли не испортили мне удовольствие. Конечно, нам не позавидуешь: отец потихоньку дряхлеет в караульне над воротами, Роуз проклинает судьбу, Томас... Томас жизнерадостный парень, но всякому ясно, что он недоедает. Топаз явно самая счастливая – брак с отцом и замок до сих пор ассоциируются у нее с романтикой; сил ей придают рисование, лютня и первобытное единение с природой. Голову даю на отсечение, что под плащом на мачехе ничего не было, да и то, что было, она скинет на вершине насыпи.

Топаз долго работала натурщицей, поэтому нудизм ради нудизма ее не интересует – ей хочется слиться со стихиями. Однажды из-за этого вышло небольшое недоразумение с фермерами из Четырех Камней, и теперь гольшом она разгуливает только по ночам. Зимой в таком виде, разумеется, не походишь, зато при малейшем намеке на весну Топаз сразу «открывает сезон». Удивительно морозоустойчива наша мачеха! Да, на улице стало теплее, но назвать погоду теплой язык не повернется. Бррр... Как же хорошо в горячей ванне!

Половину шоколадки я съела, а другую оставила Роуз, но Элоиза с такой надеждой виляла хвостом, что не хватило духу ей отказать. Собачья благодарность не знала границ: Элоиза скакала, рвалась ко мне, пыталась лизнуть мыло. Еле успокоила!

Только я намылила лицо, в дверь постучали. До сих пор не пойму, с какой радости я ответила: «Войдите». Наверное, машинально. И торопливо открыла глаза. Глаза тут же защи-

пало. Снова зажмурившись, я кинулась нашаривать полотенце... Отвратительно чувствовать себя беспомощной!

Дверь тем временем скрипнула. С залиvistым лаем собака рванула вперед, просто чудом не сметя мою ширму.

Несколько секунд в кухне стоял адский гвалт: Эл надрывалась от лая, а двое мужчин пытались ее утихомирить. Отзывать разбушевавшуюся собаку не имело смысла: во-первых, она не кусается, а во-вторых, мне не хотелось объяснять, что я в ванне. Тем более когда не во что завернуться. Проморгавшись, я завертела головой по сторонам. Полотенца не было – видимо, осталось в кухне.

Слава богу, хоть Элоиза угомонила!

– Но ведь сказали «войдите», ты тоже слышал? – уточнил один мужчина у другого.

По произношению я поняла, что незваный гость – американец. Голос мне понравился – приятный. Так в американских фильмах говорят положительные герои. То есть не гангстеры.

Тут он громко спросил:

– Есть кто живой?!

Однако его спутник велел не шуметь.

– Хочу сначала немного осмотреться, – пояснил он. – Место великолепное...

Голос второго меня озадачил: необычный, очень спокойный и интригующий; произношение не английское, не американское, но без иностранного акцента. Такого я еще не слышала.

– Представляешь, эта часть стены когда-то принадлежала замку, – снова заговорил второй.

Его слова привели меня в ужас – сейчас они подойдут к камину, чтобы рассмотреть стену! К счастью, на лестницу вышел Томас. Незваные гости объяснили, что случайно свернули к замку, а машина увязла в грязи, и теперь им нужна помощь.

– Даже если придется оставить ее здесь на ночь... Мы решили, вас все равно нужно предупредить, – сказал «американский голос», – автомобиль перегородил дорогу.

Томас засобирался с ними на улицу посмотреть, в чем дело, и, судя по шороху, достал из прачечной сапоги.

– Какой у вас чудесный старый дом! – воскликнул «необычный голос».

Я похолодела: вдруг они пожелают оглядеться? Но другой мужчина просто спросил, нет ли у нас лошадей, чтобы вытянуть застрявший автомобиль. Через минуту незнакомцы и Томас вышли на улицу. Хлопнула дверь. Слава богу!

И все же мне стало немного грустно, что кавалеров у нас никогда не было и не будет. Интересно, как выглядят те двое? Я попыталась по голосам вообразить их лица... и тут же спохватилась: вода остывает, а я не выкупалась!

Сколько ни терла я зеленые руки, краска мое усердие не оценила. Зато мысли о мужчинах начисто выветрились из головы. Подлив в ванну горячей воды из медного котла (это рядом), я удобно улеглась обратно с книгой, и... дверь снова отворилась.

В кухню явно вошел посторонний. Свои бы меня окликнули – на худой конец, чем-нибудь по-хозяйски грохнули, хлопнули. Гость же, очевидно, просто стоял и осматривался. От страха перед неизвестностью я отчаянно прокричала:

– Кто бы вы ни были, предупреждаю – я принимаю ванну!

– Ох... Простите, ради бога, – негромко извинился гость. – А когда мы зашли в первый раз, вы тоже там сидели?

Я ответила утвердительно и поинтересовалась, удалось ли вытолкать автомобиль.

– Нет, нужны лошади, – ответил он. – Пока остальные ушли за лошадьми, я проскользнул сюда, чтобы лучше разглядеть дом. Никогда такого не видел!

– Подождите. Сейчас я вытрусь, приду немного в себя – и покажу вам дом, – отозвалась я.

Лицо и шею я еще прежде вытерла сохнувшими крашеными простынями, а прогуляться за полотенцем в холодную кухню не удосужилась. Пришлось попросить гостя. Увы! Полотенце он не нашел. Тогда, не вылезая из ванны, я встала на колени и просунула голову между простынями. Мужчина обернулся...

Я чуть не ахнула. Он был бородатый!

Никогда не видела мужчин с бородой! Разве только старика из дома призрения в Скоутни – вылитого Санта-Клауса. Конечно, борода незнакомца не имела с той ничего общего; черная, подстриженная, заостренная, она напоминала скорее о моде Елизаветинской эпохи. Поразительно! А ведь голос звучал так молодо...

– Как поживаем? – с улыбкой спросил гость.

Судя по тону, меня приняли за маленькую.

Отыскав полотенце, бородач попытался перекинуть его через ширму, но вдруг сказал:

– Не нужно бояться! Я положу полотенце рядышком, а сам выйду во двор.

– Я и не боюсь, – ответила я. – Просто удивлена. Ваш голос не соответствует вашей внешности.

Боже, как невежливо получилось!

Незнакомец расхохотался.

– Нет-нет, не уходите, – торопливо добавила я. – Может, присядете? Мне совсем не хочется показаться негостеприимной, уверяю вас... – Да уж, такой напыщенной речи я в жизни не произносила.

Я просунула руку в щель, чтобы взять полотенце.

– Если подать его через простыни, произойдет катастрофа, – заметил гость. – Давайте-ка лучше сбоку.

Я поспешно схватила выплывшее из-за края ширмы полотенце. Не попросить ли заодно и одежду?.. Но тут в очередной раз распахнулась дверь.

– Саймон, а я тебя всюду ищу! – сказал «американский голос». – Чертовски странное место! Я только что видел привидение.

– Глупости, – хмыкнул бородач.

– Да честное слово! Видел прямо с аллеи! Я направил фонарь в сторону холма, смотрю – белая фигура! Р-раз – и исчезла за башней.

– Наверное, лошадь.

– Ничего подобного! Не лошадь. Существо вертикальное, двигалось на двух ногах. Хотя... ног-то и не было... Черт! Может, я схожу с ума?

Видимо, сапоги Топаз не снимала.

– Хватит ужасы рассказывать, – прошептал бородач. – За ширмой ребенок. Купается.

Тут я громко попросила передать мне одежду и протянула из-за рамы руку.

– Гос-споди... – поперхнулся американец. – Зеленый ребенок! Тут что, дом Ашеров?

– Я не вся зеленая. Просто мы красили вещи, – пояснила я.

– Это не ваши привидения по холму разгуливают? – поинтересовался американец.

– Не слушайте его, – сказал бородач, протягивая мне одежду. – Никого он не видел.

– Ну почему? – возразила я. – Может, и видел. Только не привидение, конечно, а мою мачеху. Она общается на насыпи с природой.

Я наконец встала с колен в полный рост и, завернувшись приличным образом в полотенце, высунула голову из-за края ширмы. У бородача округлились глаза.

– А я-то решил, что вы помладше... – растерянно проговорил он.

Забирая одежду, я рассмотрела и второго гостя. Его лицо соответствовало голосу – такое же молоджавое и приятное, причем странно знакомое. Наверное, такой типаж мне известен по американским фильмам. Не главный герой, конечно, а, к примеру, брат главной героини. Или рабочий на автозаправке.

Он перехватил мой взгляд.

– Здравствуйте-здоровствуйте! Расскажите-ка подробнее о вашей безногой мачехе – да и об остальных домочадцах. Нет ли у вас иной занятой родни? Прекрасной сестры, носящейся по лесам на лошади с арфой в руках?

И тут наверху зазвенели струны лютни – Топаз, очевидно, проскользнула в дом через парадный вход. Молодой американец, засмеявшись, радостно заметил:

– Вот, полагаю, и она!

– Это не арфа, а лютня, – поправил его бородач.

– Потрясающе! Замок, лютня...

На лестнице внезапно появилась Роуз, облаченная в «средневековое» зеленое платье с расклеванными рукавами. Не догадываясь, что внизу гости, она ликующе воскликнула:

– Кассандра, полюбуйся!

Мужчины обернулись – и Роуз застыла на верхней ступени точно вкопанная.

А Топаз, в кои-то веки не фальшивя, все наигрывала дивную мелодию «Зеленые Рукава»⁵.

V

Позже. Опять в сарае на ворохе соломы.

Растерянную сестру пришлось бросить на лестнице и идти обедать – Топаз позвонила в колокольчик. Сегодня готовить ей было некогда, поэтому мы ели холодную брюссельскую капусту с холодным рисом. Не очень вкусно, зато сытно. Обедали в гостиной, начищенной до блеска, а точнее, едва не до дыр. В комнате стоял жуткий холод, даже растопленный камин не помогал; давно заметила, что в чересчур чистых комнатах всегда чересчур свежо.

Роуз и Топаз сейчас осматривают кусты, выискивая, из чего можно соорудить букеты. Если ничего не найдут, то поставят в кувшины голые ветви и, как сказала мачеха, привяжут к ним что-нибудь забавное. Меня это, правда, ни капли не забавляет: оставили бы ветки как есть – Топаз ведь сама ценительница наготы.

Все мы делаем вид, будто повторного визита Коттонов в ближайшее время не ждем, хотя в глубине души безумно надеемся на скорую встречу. Да, под стенами замка увязли Коттоны из Скоутни! Они накануне приехали в Англию и спешили в поместье. Как я сразу не догадалась? Ведь знала же, что наследник – американец.

В начале двадцатого века младший из сыновей старого мистера Коттона уплыл в Штаты (после грандиозного семейного скандала, полагаю) и принял американское гражданство. Шансов заполучить Скоутни у него, казалось, не было... Однако жизнь непредсказуема: два старших брата погибли на войне, а третий, уже с собственным сыном, двенадцать лет назад разбился на машине. Тогда сын-американец попытался помириться с отцом; в ответ старый джентльмен потребовал, чтобы тот вернул себе британское подданство, иначе видеть его не желает. Сын на условие не согласился, а год назад умер; в Скоутни приехали его сыновья.

Бородач Саймон только-только уговорил дедушку принять его, как тот скончался. Бедный одинокий старик! Так грустно...

Второго зовут Нейл. Говор у братьев разный потому, что старший, Саймон, жил с матерью в Бостоне и Нью-Йорке, а младший рос в Калифорнии на ранчо у отца. (Видимо, родители развелись. Миссис Коттон сейчас в Лондоне, но скоро приедет в Скоутни.)

⁵ «Зеленые Рукава» (англ. Greensleeves) – старинная английская песня о неверной возлюбленной по прозвищу Зеленые Рукава.

Отец утверждает, будто у Саймона тоже американский акцент – просто в Америке диалектов еще больше, чем в Англии; его британский английский хорош, но несколько устарел. Голос у старшего брата изумительный! И все-таки мне нравится Нейл.

Какая жалость, что наследник Саймон! Роуз с первого взгляда возненавидела его бороду. Может, удастся ее сбрить?

Неужели я всерьез считаю, будто моя сестра выйдет замуж за мужчину, которого видела раз в жизни да еще противного внешне? Хм... Пожалуй, отчасти всерьез, отчасти фантазирую. Наверное, в такую игру играют все девушки, встретив подходящих молодых людей. Тем более братья такие... чудесные!

Да, без чудес нашей семье не обойтись. Особенно Роуз. Интересно, нужно ли такое чудо мне? Заглянув себе в душу, поняла: не нужно. Лучше умереть, чем выйти замуж за одного из славных Коттонов.

Чепуха! Разумеется, лучше выйти замуж за обоих, чем умереть.

Кстати, до чего ужасно мыслят девушки: мечтают о браке, не успев даже влюбиться. Причем большинство не осознает, что такое супружество. Хотя я ведь сужу в основном по книжным героиням – кого я знаю в жизни, кроме Роуз и Топаз? Но персонажи романов очень правдоподобны. Взять, к примеру, Джейн Остен. Пять дочерей Беннетов из «Гордости и предубеждения» с начала книги только и ждут, как бы заловить холостяков из Незерфилд-парка, но ни одна не размышляет о сущности брака. Неужели Роуз такая же?

Надо бы заставить ее всерьез над этим подумать, пока она не наделала глупостей. К счастью, я разбираюсь в подобных вещах – с такой мачехой, как Топаз, чего только не узнаешь! Словом, мне известно обо всех сторонах супружеской жизни. Но меня они не очень-то занимают.

* * *

Итак, на вершине лестницы, ошеломляюще прекрасная, появилась Роуз. Вылитая Беатриса в «Эсмонде»! Только Беатриса не спотыкалась о подол юбки и не хваталась за перила зелеными пальчиками.

Впрочем, все сложилось как нельзя лучше. Сестра явно решила произвести на Коттонов впечатление и двинулась вниз грациозной, но немного жеманной походкой. А потом на третьей от конца ступеньке чуть не упала. К счастью, ее подхватил Нейл. После этого все вдруг расслабились: разом заговорили, засмеялись... В том числе сестра, от ее манерности не осталось и следа.

Пока я торопливо натягивала одежду за простынями, Коттоны представились и объяснили, что в Англию прибыли несколько дней назад.

Интересно, каково это – ехать ночью в незнакомое место, в особняк вроде Скоутни? Собственный особняк! На секунду я увидела окружающий мир глазами Саймона: английская глушь, полузатопленная равнина, неожиданно вырастающий впереди удивительный замок, озаренное светом окно... Готова спорить, перед тем как вернуться сюда без брата, он заглянул в кухонное окно над раковиной. Картинку я будто взяла прямиком из его головы, потому что в тот же миг Саймон произнес:

– Я не поверил глазам: неужели кухня настоящая? Точь-в-точь ксилография из старых сказок!

Надеюсь, Роуз напомнила ему сказочную принцессу. Да она и выглядела как принцесса: очаровательная, непосредственная, улыбочивая. Ее смех звенел, точно серебряный колокольчик. Волшебная перемена! Ничего общего с мрачной, отчаявшейся девушкой, какой сестра была всего полчаса назад. Я вспомнила о желании, загаданном на дьяволе-ангеле. И тут произошло нечто странное...

Саймон Коттон смотрел то на Роуз, то на кухню с равным восторгом. Его внимание привлекла каменная голова над очагом (я уже оделась). Он достал фонарь, осветил вверх, а затем отошел к узкому окну в самом темном углу комнаты. Фонарь вдруг погас. Саймон повернул его к себе, чтобы проверить лампу, и он снова вспыхнул. На стене выросла черная тень – Саймонов профиль с удлиненной остроконечной бородкой. Один в один дьявольский лик!

Роуз тоже это заметила и тихо охнула. Старший Коттон быстро поднял на нее глаза, но тут всех отвлек жуткий грохот: из-под зеленых простыней, опрокинув сушильные рамы, выскочил Абеляр. В последний момент с укоризненным возгласом: «Аб!» – я успела их подхватить. Гостям же послышалось «ад». Пришлось объяснять, что преисподняя ни при чем, Аб – сокращенно от Абеяра.

Зловещая тень не шла у меня из головы. Чепуха, разумеется! Глаза у Саймона хорошие, лучше не встречала. Однако Роуз суеверна. Интересно, как с деньгами у младшего брата? Он тоже был с сестрой очень обходителен... И довольно мил со мной.

Наконец – о ужас! – Саймон спросил, наш ли это замок?

– Нет. Ваш! – ответила я и торопливо добавила, что аренда у нас еще лет на тридцать.

Только действителен ли договор, если арендатор не платит?.. Разумеется, о деньгах я упоминать не стала: это было бы не к месту.

Мы болтали уже минут двадцать, когда спустилась Топаз, в старом твидовом пиджаке и юбке. Твидовый костюм она надевает редко даже днем, а вечером – никогда. Он ее мертвит, превращает интересную бледность в бесцветность. Словом, наряд мачехи меня удивил. А ведь Топаз наверняка слышала через приоткрытую дверь, кто у нас в гостях. Зачем она так себя изуродовала? Конечно, я ничего не сказала. Может, она надеялась, что твид придаст нашему семейству аристократичности?

Братья представились; Топаз немного с ними побеседовала, но как-то очень сдержанно. И что с ней стряслось? С чего такая подавленность?

Мачеха начала готовить какао – большего мы предложить не могли, разве только воду; остатки чая, скорее напоминавшие порошок, я заварила на ужин Томасу.

Подобные пиршества мы, разумеется, обычно не устраиваем. По крайней мере, без повода. Какао достаем, если кто-то, например, болеет или по случаю примирения после ссоры. Мне стало грустно: похоже, Томасу и Стивену вкусного напитка не перепадет – они ушли на ферму за лошадьми. И отца нет. А тут столь редкая возможность лишний раз перекусить! Звать бесполезно, знакомиться с гостями он не пожелает. Даже если б спустился за печеньем, то, услышав голоса, еще в спальне повернул бы обратно.

Дверь неожиданно распахнулась. Вошел отец. Ясное дело, под дождем от караульни к дому проще пробежать через двор, чем осторожно пробираться по стене. Наброшенный на голову плед закрывал отцу обзор, и отец, не стесняясь, бранил погоду и задымившую керосинку... Коттонов он заметил, лишь столкнувшись с ними нос к носу.

Топаз, сразу оставив какао, громко с гордостью произнесла:

– А это мой муж, Джеймс Мортмейн.

И произошло чудо! Саймон Коттон обрадованно воскликнул:

– Но как... Нет, не могу поверить! Это же вы написали «Борьбу Иакова»?

В глазах отца плеснулось странное выражение. Прямо отчаянное. Будто нежданные гости загнали его в угол.

– Ну я... – настороженно ответил он.

По заинтересованным ноткам в его голосе я вдруг поняла: отцу невероятно приятно, просто не верится в реальность происходящего. Так, наверное, выглядит потерпевший кораблекрушение, заметив на горизонте судно.

Саймон пожал ему руку и, представив брата, спросил:

– Нейл, ты ведь помнишь «Борьбу Иакова»?

– Конечно, – отозвался он. – Такой яркий персонаж!

Нейл, видимо, решил, будто Иаковом зовут героя книги, хотя подразумевался библейский Иаков, боровшийся с ангелом. Зато Саймон рассуждал о романе так, словно вот-вот перевернул последнюю страницу. Постепенно выяснилось, что изучал он его в колледже несколько лет назад.

Отец сначала нервничал, неловко кутался в плед, но по ходу беседы расслабился, разговорился – старший Коттон едва успевал вставлять в его монолог короткие замечания. Наконец, отбросив мокрый плед, будто досадную помеху, отец шагнул к столу и потребовал какао.

О какао! Чудеснейший в мире напиток! По крайней мере, на мой вкус.

За столом беседа стала общей. Отец подшучивал над нашими зелеными руками, а Нейл Коттон хохотал до упаду над блюдом в ванне. Роуз, само очарование и кротость, улыбалась гостям пленительнее и пленительнее, а затем села у огня, взяв на руки золотистого, как ее кудри, Абеяра. Коттоны то и дело подходили его погладить. Их восхищало абсолютно все. Например, когда Элоиза забралась спать на крышку медного котла, Нейл объявил, что более смышленной собачки в жизни не видел. Разговор в основном поддерживали гости и отец; я изредка вставляла реплику-другую – и каждую Коттоны находили забавной.

Беседа лилась гладко; я все время молилась, чтобы Саймон не задал самый кошмарный вопрос. И он его задал:

– Так когда ожидать новый шедевр – продолжение «Борьбы Иакова»?

Боже, что делать? Опрокинуть какао? Но уж очень хочется его выпить...

Пока я боролась с жадностью, отец коротко, без злости, без горечи, обронил:

– Никогда.

Просто выдохнул одно слово. И будто сжался: голова поникла, плечи ссутулились. Вряд ли остальные заметили эту перемену.

– Разумеется, если подумать, продолжения и быть не может, – неожиданно сказал Саймон и, поймав холодный взгляд отца, быстро продолжил: – К таким книгам ничего нельзя прибавить или убавить. Они серьезно влияют на работы других писателей, но для создателя подобная книга – пройденный этап, завершенная, цельная идея, из которой уже ничего не развить.

Мы с Топаз встревоженно уставились на отца.

– А я уверена... – попыталась возразить мачеха, но отец ее перебил.

– По-вашему, такие писатели – авторы одного романа? – тихо спросил он.

– Боже упаси! – отозвался Саймон. – Я лишь хочу сказать, что ошибся со словом «продолжение». В мире искусства писатели – в известном смысле, единственные истинные творцы. Из глубины души заразы они извлекают один неповторимый шедевр... Целое ожерелье, не жемчужину! А затем снова уходят на дно, чтобы вынести на свет новое сокровище. Возможно, Господь создал иные миры, но не в дополнение к этому.

Несмотря на пышность и книжность, звучало искренне. Но я не поверила. За словами чувствовалась пустота. Тактический ход, чтобы по-доброму сгладить неловкость. Быстро же Саймон уловил напряженность момента! Самое странное, отца его речь, похоже, впечатлила. Он тряхнул головой, словно ему в голову пришла новая мысль, но, ничего не сказав, задумался. Очнулся лишь от вопроса Саймона о третьем сне в «Борьбе Иакова». Таким оживленным я его не видела с того года, как они поженились с Топаз. Рассказывал отец не только о себе и романе – он втянул в беседу всех, а особенно часто обращался к Роуз, так что Коттоны постоянно оборачивались к ней, причем с явным удовольствием.

Нейл сидел на медном котле рядом с Элоизой, почти не принимая участия в разговоре, а разок дружески мне подмигнул.

Наконец прибежал Томас и сообщил, что Стивен ждет на улице с лошадьми. (Брату какао перепало, на Стивена уже не хватило; тогда я оставила для него половину своего напитка и, чтобы не остыло, придвинула кружку к огню.) Мы с отцом поспешили вслед за Коттонами

во двор: никогда не видела, как вытаскивают машину! Роуз не смогла пойти из-за длинного платья, а Топаз это не интересовало. Поднялась приятная суматоха: плясали лучи фонариков, все смеялись, подбадривали гиканьем лошадей – и автомобиль благополучно выкатился на дорогу. Прощались мы второпях; братья пообещали, что скоро увидимся, – по-моему, вполне серьезно.

Стивен и Томас повели лошадей обратно на ферму, а мы с отцом, увязая в грязи, устало побрели под дождем к дому. Темень стояла хоть глаз выколи. Керосиновый фонарь забрали мальчики. Стоит ли объяснять, что карманных фонариков в нашем хозяйстве давно не водилось?

Отец, прямо-таки лучась весельем, крепко сжимал мою руку. Я поинтересовалась его мнением о Коттонах.

– Ну, – усмехнулся он, – вряд ли они станут докучать нам с оплатой аренды. – А затем восхитился американской энергичностью и рассказал об интересных случаях, произошедших с ним во время лекционного тура. Саймон Коттон напомнил ему Генри Джеймса – этакий сорт американцев, страстно влюбленных в Англию.

– Скоутни повезло, из него выйдет прекрасный хозяин.

Кстати, я пыталась прочесть роман Джеймса «Что знала Мейзи» еще в девять лет – решила, будто книга детская. К сожалению, красивое темно-фиолетовое собрание сочинений Генри Джеймса тоже давно продано.

Когда мы вернулись в замок, отец отправился в караульню, а я бросилась к Топаз и Роуз. Обе весело болтали. По мнению мачехи, Роуз сразила братьев наповал. На случай, если Коттоны пожалуют очень скоро, решили завтра же навести порядок в гостиной, а Топаз собралась перешить для Роуз еще одно платье – магазинное, лондонское, которым та всегда восхищалась.

– И отцу они, кажется, понравились, – заметила я. – Ну разве не чудо?

В заднем окне караульни вырисовывался его темный силуэт – склоненная над письменным столом фигура.

– И правда – чудо! – отозвалась Топаз. – Он опять хочет писать!

Тут вернулись Стивен и Томас. Еле заставила Стивена выпить припасенное какао! Кружку он взял только после угроз вылить напиток в раковину. И все разошлись по спальням.

Роуз вытряхнула из шкафа свои наряды и с надеждой начала примерять их на мисс Блоссом: вдруг они не так уж плохи? Увы! Платья оказались еще хуже, чем ей представлялось.

Только это не испортило сестре настроения. Мы говорили, говорили и говорили...

– Роуз, не стоит увлекаться, – строго сказала я, усаживаясь на кровати. – Мы замечтались. А зря! Конечно, званые вечера и прочие пикники – это чудесно. Я буду рада, если нас пригласят, но... Роуз, ты готова выйти замуж за бородача?

– Хоть за черта с рогами, если у него есть деньги! – отозвалась сестра.

Похоже, она вспомнила тень Саймона Коттона, но ни словом о ней не обмолвилась. Ну, и я не стала. Лучше не затрагивать эту тему, если на кону брак с состоятельным мужчиной.

Когда мы задули свечи, я вызвала на разговор мисс Блоссом. Никогда не знаю, что она скажет, – сначала нужно поверить, будто она действительно говорит. Я поинтересовалась ее мнением о вечерних событиях.

– Что ж, крошки мои, – ответила она, – в вашей жизни новая полоса, глупо отрицать. Теперь уж постарайтесь, не упустите шанс! Старые тряпки, которые вы на меня вешали, здесь не помогут. Просто вымойте волосы и руки. Над зелеными пальцами можно посмеяться лишь один раз. А теперь выпитесь как следует! Для свежего цвета лица.

Совет относительно краски Роуз приняла к сведению – все утро нещадно скребла руки, пока не оттерла их дочиста. На том чистящий порошок и закончился. Придется мне ждать, когда краска сойдет сама; она уже посерела и напоминает обычную грязь. Ой, а потру-ка я ладони наждачной бумагой! После чая.

До чего быстро все может измениться! Еще вчера, в это же время, жизнь казалась пустой и унылой – и вдруг мы встретили Коттонов. Да и весна теперь чувствуется по-настоящему. На терновнике набухли бутоны...

* * *

Как забавно: стоит повернуть голову – и в оконце появляется другой участок дороги. Словно меняющиеся в раме картины. Только обнаружила. Занятная игра!

О господи! Они здесь!.. Коттоны!.. Вышли из-за поворота. Ох, что же делать? Что делать?

* * *

Прошагали мимо. И Роуз с Топаз не предупредишь! Выйду из сарая – увидят. По крайней мере, обе вернулись в дом: сестра играла на рояле, я слышала. Но как они одеты?.. Боже, Роуз собиралась мыть голову! Кто бы подумал, что Коттоны явятся прямо сегодня?!

Затаив дыхание, я прильнула к щели у дверной петли, затем снова вскарабкалась на ворох соломы и проводила братьев взглядом до самых ворот. Может, вернуться домой? До смерти хочется! Но на чулке огромная дыра, а платье в пыли...

* * *

Минуло, наверное, полчаса с тех пор, как я написала предыдущую строчку.

Никуда я не пошла. Просто лежала и представляла, как они сидят в гостиной у пылающего камина. Ничего страшного, если Роуз вымыла голову – с влажными волосами она тоже очень красива. Хорошо, что я осталась в сарае: иногда меня не унять, когда разговарюсь. Нужно строго следить за языком, чтобы не отвлекать внимание от сестры.

Постоянно себе твержу: это не сон, это не сон... Мы действительно встретили двух холостяков. И мы им нравимся! Ясное дело. Иначе они не вернулись бы так скоро.

Мне даже писать не хочется. Лежала бы себе и думала, думала... Нет, кое-что записать нужно. Об ощущениях. Я обожаю незаметно разглядывать людей. Едва на аллее появились Коттоны, у меня возникло странное чувство, будто мы с ними в разных мирах. Часто я рассматриваю с улицы собственную семью. Через освещенное окно. Они кажутся другими – как зеркальные отражения комнат...

Не могу описать словами! Только начала – и все ускользнуло.

Днем борода Саймона Коттона выглядит еще нелепее: он ведь не старик! Ему, вероятно, меньше тридцати. Брови у него изогнуты и чуть приподняты. Прекрасные зубы, пухлые выразительные губы. Даже странно видеть среди волос «голый» рот. С чего такая любовь к бороде у молодого человека? Может, прячет шрам? Нейл Коттон очень симпатичный, хотя ничего особенного в его лице не выделишь. Вьющиеся, густые волосы. Здоровый румянец. Саймон бледноват. Оба высокие; старший немного выше, младший немного шире. Внешне, как и говорю, Коттоны ничуть не похожи – со стороны и не подумаешь, что братья.

Саймон одет в твидовый костюм, истинный англичанин. На Нейле пальто. В жизни такого не видела! Спинка и перед в клеточку, а рукава однотонные. Может, его сшили из двух старых пальто?.. Надеюсь, я не права: иначе напрашивается печальный вывод, что Нейл беден, а Саймон – скряга. Да и пальто какое-то вызывающе новое. Наверное, в Америке так модно.

Они выходят из замка! Может, подбежать? Поздороваемся.

Нет, с грязными руками не до приветствий.

* * *

Случилось ужасное... Невероятно ужасное, даже писать не могу. Как они смели, как смели?!

Я слышала их разговор.

Они шли в сторону сарая.

– Черт, Саймон, вовремя ты ноги унес, – усмехнулся Нейл.

– Просто непостижимо! – воскликнул брат. – Вчера вечером она производила совсем другое впечатление. – И, оглянувшись на замок, добавил: – Великолепное место! Но для жизни непригодно. У них явно ни гроша за душой. Стоит ли винить бедняжку?

– Разве лишь за то, что чертовски откровенна, – ответил Нейл. – А это нелепое платье! Да еще среди бела дня. Забавно, вчера она мне в нем понравилась.

– Мачеха приятная. Ей, кажется, было так же неловко, как и мне. Господи, девчонка чуть не вогнала меня в краску!

– Не нужно с ними общаться, Саймон. Если завяжем с семейством дружбу, эта красавица может поставить тебя в двусмысленное положение.

– Да, пожалуй, – согласился он.

Говорили Коттоны негромко, но в полуденной тишине до меня долетало каждое слово. Поравнявшись с сараем, Нейл сказал:

– Жаль, что мы не видели младшую. Интересная девчушка.

– Несколько сознательно наивна, не считаешь? – ответил Саймон. – Кого мне действительно жаль бросать на произвол судьбы, так это старика. Как бы ему помочь? Хотя что спасет безнадёжного пьяницу...

Убила бы их голыми руками! Отцу еды не на что купить, не говоря уже об алкоголе! Наслушались лживых сплетен. У кого только язык повернулся обвинить отца в пьянстве? И он не старик, ему даже пятидесяти нет!

Дальнейшего разговора я не слышала.

Надо было все-таки выскочить из сарая и поколотить их! Увидели бы, как я сознательно наивна!

Что же натворила Роуз? Пойду-ка домой.

* * *

Восемь часов. В гостиной.

Ушла подальше от Роуз. Она сейчас в кухне: сушит волосы и делает маникюр заточенной спичкой. И болтает, болтает без умолку. Не представляю, как Топаз это терпит, особенно после нашего разговора...

Да, я не выдержала! Может, и промолчала бы, не застань я Топаз одну, но чего не случилось, того не случилось. К тому же у меня на лице все было написано.

Я начала шепотом объяснять, почему расстроена, а мачеха, оборвав мои излияния, потащила меня в сад. В доме и правда не посекретничаешь, насквозь прослушивается. Со второго этажа на весь сад разносилось звонкое пение Роуз, поэтому заговорили мы только за мостом, немного поднявшись на насыпь.

Вопреки ожиданиям Топаз не рассвирепела (об отце я, разумеется, ни словом не обмолвилась). Даже не удивилась. По ее словам, Роуз заметила Коттонов из окна спальни и, невзирая на уговоры, бросилась наряжаться в вечернее шелковое платье. (Можно подумать, вечерние платья надевают ежевечерне!) А потом так глупо себя вела – чуть не вешалась Саймону на шею.

– Чересчур с ним любезничала?

– Это было бы полбеды! Нет. Роуз страшно жеманничала, строила глазки, хлопала ресницами. Только веера не хватало, чтобы шлепнуть им Саймона с возгласом «фи!». Пожалуй, лет сто назад подобные манеры сражали мужчин наповал...

Картина представилась как наяву! Таких премудростей сестра явно набралась в старинных романах. Мы ведь не видели современных женщин – разве только Топаз. Но подражать мачехе ей и в голову не пришло бы. Бедная, бедная Роуз... В отличие от меня она даже картинок с современными девушками не видела.

– Они не вернуться, – вздохнула Топаз. – Я сразу поняла. Даже если бы ты не пересказала мне их разговор.

Я ответила, что Коттоны нам и даром не нужны, – наверное, они злые люди, раз так говорят. Мачеха со мной не согласилась.

– Чепуха! Роуз сама виновата. Мужчины не против, когда им открыто выказывают симпатию, но когда явно пытаются завлечь, сразу убегают. А Роуз так себя и вела: встряхивала волосами, бросала на Саймона зазывные взгляды – и столь откровенно... Если бы Мортмейн сидел с нами, то быстро привел бы ее в чувство насмешливыми шуточками. И сам поддержал бы с братьями разговор. Ч-черт! – вдруг охнула она.

На прогулку вышел отец. Впервые за несколько месяцев.

Топаз вспомнила, что Саймон Коттон принес для него книгу известного американского критика. Одно эссе посвящено «Борьбе Иакова».

– Возможно, Саймон вернется... Чтобы поговорить с Мортмейном, – предположила мачеха.

Но я-то знаю истинное положение дел...

Сгущались сумерки. В освещенном окне кухни мелькнула Роуз.

– Расскажем ей? – спросила я.

Топаз ответила, что не стоит.

– Вот если нас когда-нибудь пригласят в Скоутни, тогда и попытаемся ее образумить.

Но нас, конечно, не пригласят.

Топаз обняла меня, и мы побрели вниз. Идти было неудобно, я никак не могла приладиться к широкому шагу мачехи. У подножия насыпи она обернулась и, глядя на чернеющую в сумерках башню Вильмотт, бархатистым голосом произнесла:

– Правда, красиво?

Неужели после такого разговора ее действительно волнуют красоты пейзажа?

Кстати, однажды Топаз нарисовала башню: черная скалка на перевернутой зеленой форме для пудинга.

* * *

Свеча догорает. В гостиной все холоднее и холоднее; камин потух несколько часов назад, но писать в кухне рядом с Роуз выше моих сил! Не могу равнодушно на нее смотреть. Она точно крыса в западне – надеется на побег, а я знаю, что выхода нет. Конечно, крыс в западне я не видела, да и Роуз себя пленницей не считает... Ладно, сейчас не до придинок к метафорам.

Дверь приоткрылась, вошла Элоиза и ласково меня лизнула; очень мило с ее стороны, но мокро. Бррр! По коже побежали мурашки. Я поспешно вытираюсь. Теперь мне слышно, о чем говорят на кухне, даже лучше, чем хотелось бы. Отец взволнованно рассказывает, что американский критик обнаружил в романе подтексты, которых на самом деле нет, и возмущается наглой самонадеянностью литературоведов. Его явно греет мысль о предстоящей беседе с Саймоном Коттоном.

Роуз оживилась еще больше. Насвистывает! Скверно.

В гостиную заглянул Стивен, набросил на меня пальто. Оно пахнет лошадьми.

Неужели я сознательно наивна? Возможно. Наверное, и дневник мой наивен. Впредь буду придерживаться суровой прозы, без прикрас. Впрочем, с дневником покончено. Я исписала всю тетрадь, даже обе обложки с внутренней стороны, теперь пишу поверх текста; вряд ли эту мешанину удастся расшифровать.

Всего двадцать четыре часа назад Коттоны застали меня в ванне...

Топаз зовет пить какао.

Чудесный, умиротворяющий напиток! Сегодня не такой вкусный – на воде; молоко выпили Коттоны, чая ведь нет. Ладно, не беда, какао прекрасно в любом виде.

Нет, сердце кровью обливается: Роуз ведь решит, будто мы празднуем. Только нам с Топаз известно, что это поминальная трапеза.

КОНЕЦ

ЗАКРЫВАЕМ ТЕТРАДЬ

Часть вторая. Тетрадь за шиллинг

Апрель и май

VI

У меня новая тетрадь! Такой красоты я еще не видела. Стоит целый шиллинг! На прошлой неделе мисс Марси ездила в Лондон, и Стивен попросил ее купить для меня подарок.

Я хотела писать роман – что-то вроде «Грозового перевала». Даже не собиралась вести дневник. А жизнь началась заново...

Сию на насыпи Вильмотт.

Весна нагрянула как-то вдруг: на орехе еще сережки, а по холму, в молодой, искрящейся на солнце траве, уже россыпь маргариток. Неописуемая красота! Точно иллюстрация из детской книжки к рассказу о временах года. В саду распустились нарциссы, но из-за сохнувшего белья с насыпи их не видно; Топаз все развешивает и развешивает стиранные вещи – и это тоже связано с приятными переменами...

Прислонясь спиной к башне, я тихо люблюсь ослепительно-белыми облаками; лицо обдувает ласковый, почти летний ветерок.

Минуло шесть недель с тех пор, как мы с Топаз стояли в сумерках на насыпи Вильмотт в печальнейший миг нашей жизни. Впрочем, потом стало еще хуже. Сначала терзались только я и мачеха. Чего нам стоило держаться как ни в чем не бывало! Устав от притворства, мы ускользали из дома и часами прогуливались по окрестностям. Веселья Роуз хватило на десять дней, потом сестра заволновалась: почему ничего не происходит? Я уговорила ее подождать еще недельку, предположив, что Коттоны готовятся к приезду матери. Вскоре последовал удар: мисс Марси сообщила, что викарий заходил к братьям в гости, его хорошо приняли и пригласили на обед, как и многих других жителей Скоутни.

– Больше никого из Годсенда не позвали? – Вопрос вырвался сам собой: кроме нас, приглашать из Годсенда некого. Но я не успела этого сообразить.

– В следующий раз позовут вас, милые! – убежденно воскликнула учительница.

Роуз, резко поднявшись, вышла из кухни.

Ночью, уже в кровати, она вдруг сказала:

– Кассандра, спроси мисс Блоссом, почему все так обернулось.

Я растерялась: хорошо бы дать ей совет на будущее... но как это сделать, не открывая жестокой правды?

– Она не знает.

Лгать за манекен я не стала – мисс Блоссом никогда не кривит душой.

– Наверное, из-за нашей бедности, – с горечью вздохнула Роуз, усаживаясь на железной кровати (на этой неделе под балдахином спала я). – Я была с ними милой. Правда, я очень старалась!

Вот он, случай!

– Не слишком ли милой, золотко? – произнесла я голосом мисс Блоссом.

– Да нет же! – горячо возразила сестра. – Я была очаровательной, но... капризной, упрямой. Мужчины ведь такое любят?

– Милочка, будь естественной, – ответила мисс Блоссом, и я вновь заговорила своим голосом: – Роуз, они тебе действительно понравились?

– Не знаю... Сейчас точно не нравятся. Ладно, не хочу вспоминать.

Больше она о братьях и словом не обмолвилась.

К сожалению, мы не могли спокойно, открыто все обсудить, что только усугубляло царящее в доме уныние. Между мной и Роуз впервые пролегла пропасть. Стыдно признаться, но иногда мое искреннее сочувствие сменялось желанием дать сестре хорошего пинка. Проблему нужно либо решить, либо забыть, а она так не умеет – сложила руки и сидит дуется.

Топаз проявляла чудеса терпения. Или это не терпение, а подобие коровьей невозмутимости? Она ведь и к холоду невосприимчива. Отец когда-то сравнил ее кожу с плюшем – может, и чувства у нее плюшевые? Только в отношении отца у Топаз точно все серьезно. Три недели назад, заглянув в «буферное государство», я застала ее в слезах перед его портретом. (Он, правда, никогда не позирует – на полотне сплошные оранжевые треугольники.) Дрожащим голосом мачеха проговорила, что его разочарование куда важнее обманутых надежд Роуз: он так радовался встрече с Саймоном Коттоном, ему так хочется обсудить эссе американского критика!

– Он изменил мнение об эссе. Теперь ему кажется, будто в романе действительно есть подтекст, о котором пишет критик. Я была уверена, что... после всего... он взялся за новую книгу. И тайком заглянула в караульную, когда он ушел к викарию. Угадай, чем занимается твой отец? – всхлипнула она. – Составляет кроссворды!

Я осторожно предположила, что за них платят деньги.

– Да нет, это другие! – ответила Топаз. – Там бессмыслица. Да что с ним, Кассандра?

Я похолодела: может, отец и правда пьет годами? Нашел под замком потайной винный погреб. Или сам готовит алкогольное зелье. Есть ведь такая штука – древесный спирт. Я немедленно поделилась чудовищной догадкой с мачехой.

– Не плети ерунды! – поморщилась Топаз. – Если мужчина пьет, сразу видно. Нужно потерпеть. Просто он гений...

Умывшись, она переоделась в свой любимый наряд: заношенное донельзя итальянское платье кремового цвета и маленькую ярко-красную тибетейку, – а затем ушла жарить картофельные лепешки. Близилось время чая.

* * *

Пока я рассматривала в саду полураспустившийся нарцисс, от викария вернулся отец.

– Есть новости? – поинтересовалась я, желая проявить дружелюбие.

– Разве лишь одна. Нас явно выделили, не пригласив в Скоутни. Насколько я понял, приглашения раздают направо и налево. – Он презрительно усмехнулся и со смущенной улыбкой быстро добавил: – Прости, деточка. Ты ведь догадываешься, в чем дело?

Я напряженно заглянула ему в глаза.

– Дело в аренде, – принялся объяснять отец. – Они изучили этот мелкий вопросец, я точно знаю: квартальный платеж в марте не пришел. Очень великодушно с их стороны... Лучшие из американцев всегда великодушны. Но связываться с нами они не желают.

Топаз не открыла ему правды: во-первых, не хотела расстраивать, а во-вторых, из женской солидарности. Я колебалась, не рассказать ли?.. В конце концов, промолчала. Вдруг чувство вины из-за долгов по аренде обернется во благо? Чем не стимул засесть за работу!

В лицо отцу дул холодный мартовский ветер – трепал седеющие волосы, развеивал полы старого тоненького пальто... Мое сердце чуть не разорвалось от жалости! Я торопливо сообщила, что к чаю будут картофельные лепешки. Пусть хоть чему-то порадуются!

Особой радости картофельные лепешки нам не доставили: в разгар чаепития разразилась семейная ссора. О ссорах смешно читать в книгах или рассматривать скандалящих на картинках – в жизни и вполнину не так забавно. Особенно «традиционные» ссоры за столом. Меня от них трясет и тошнит. Началось с того, что Томас трижды попросил Роуз передать ему соль;

сестра пропустила его просьбы мимо ушей, а когда он возмутился, залепила ему через стол оплеуху.

– Роуз, ты рехнулась? – рассердилась Топаз. – Он же болеет!

– Так и знала, что ты это скажешь! – ответила Роуз. – Вечно я виновата!

Тут взвился отец:

– Черт бы всех побрал!

Резко толкнув стул назад, он задел Элоизу; собака взвизгнула.

– Перестаньте! Перестаньте! – воскликнула я. Глупо, конечно.

Лишь Стивен сохранял невозмутимость. Тихо поднявшись, он осмотрел Элоизу; та оказалась цела и невредима. Собаке вообще повезло: львиная доля картофельных лепешек досталась ей. Чуть позже наш аппетит вернулся, но есть было нечего.

Несмотря на жалованье Стивена, с продуктами не намного лучше. Деньги мы расходует экономно: в первую очередь расплачиваемся по старым счетам с лавочниками. Себе Стивен оставляет шиллинг в неделю – на него и куплена эта тетрадь. Боюсь, сэкономленные деньги уйдут в основном на меня. На себя он явно ничего не тратит. Кстати, стихов он мне давно не дарил – уже счастье!

В день ссоры мы достигли своего дна. Скандалить друг с другом – непозволительная роскошь для несчастных бедняков; когда судьба жестока, родные должны быть особенно добры друг к другу.

А ведь дела наши потихоньку шли на поправку! В тот самый день умерла тетушка отца, Миллисента. Ох, до чего бессердечно я выразилась. Честное слово, если б я могла ее оживить, оживила бы непременно! Но это невозможно. Так почему бы не поблагодарить Господа за ниспосланное чудо? Мне и Роуз тетя завещала не комод или диван, как я предполагала, а весь свой гардероб! У нас появится одежда! О некрологе в «Таймс» отцу рассказал викарий; у всех в душе шевельнулась слабая надежда, что она оставила отцу немного денег. Увы! Его имя из завещания было вычеркнуто. Согласно тетушкиной воле, имущество полностью отходило хостелу для натурщиц. Воображаю ход ее мыслей: пусть сидят по хостелам, а не бегают под венец с моими родственниками. («Только представь, – горячилась Роуз, – не женись отец на Топаз, мы бы теперь как сыр в масле катались!») И правда, что лучше: кататься как сыр в масле или иметь мачехой Топаз? Я выбрала Топаз. По-моему, правильно.) Когда первые эмоции улеглись, мы наконец вспомнили о преклонном возрасте тетушки (семьдесят четыре года) и ее пристрастии к эксцентричным нарядам. Ну, хоть что-то оставила – все равно помощь.

Адвокаты пригласили нас за вещами в Лондон, расходы брали на себя.

День в столице сулил райское блаженство; выбор одежды для поездки обернулся адовыми муками. Особенно для Роуз. Мой гардероб особых раздумий не заслуживал, вот я о нем и не думала. Почистив и отутюжив зимние пальто, мы попытались себя убедить, что теперь они намного лучше. И тут погода резко потеплела; в ослепительном сиянии солнца пальто выглядели просто кошмарно. Внезапно мне пришла блестящая мысль:

– А давай наденем старые белые костюмы!

Их нам подарила тетушка Миллисента, еще до ссоры с отцом. Очень простые, классические, из шелковистого льна. Вид у них, конечно, поношенный; мой мне коротковат даже с отпущенной по максимуму юбкой. Но ничего не поделаешь. Лучшего у нас нет. К тому же на них – о чудо! – ни пятнышка.

– В разгар лета самое то, – мрачно заключила Роуз, когда мы их примерили. – А в апреле... Да уж!

И все-таки мы решили надеть костюмы, если хорошая погода продержится до поездки.

Когда мы проснулись, солнце светило, как в июне. День выдался замечательный! По-моему, нет в году времени лучше, чем погожее весеннее утро. При виде такой красоты сразу

веришь в Бога. Даже лошадь, казалось, радовалась чудесной погоде (повозку с лошадью одолжил Стивену мистер Стеббинс, чтобы он довез нас до станции).

– Вы когда-нибудь видели такое высокое небо? – спросила я. И тут же устыдилась своего восторга: если бы тетушка Миллисента осталась жива, я бы сейчас не ликовала. А ведь как бедняжке, наверное, не хотелось умирать!

Повозка неторопливо катила через Годсенд; лучи восходящего солнца золотили поросшие мхом надгробия церковного кладбища. Однажды ты тоже умрешь, сказала я себе – и не поверила. Наверняка на смертном ложе мне вспомнится та апрельская поездка и бездонное саффолкское небо над старыми-старыми могилами...

От раздумий о смерти – странной, прекрасной, пугающей и такой далекой – я почувствовала себя еще счастливей. Омрачил мою радость лишь видневшийся за деревьями Скоутни-Холл. Из-за сестры, конечно. Мне-то какое дело до Коттонов? (До чего же мне тогда вообще было дело?) Словом, пока мы не миновали парк, на протяжении двух минут я тактично «застегивала» на ботинке единственную пуговицу, стараясь не пересечься с Роуз взглядом.

На станцию приехали вовремя. Сестра предложила купить билеты в первый класс: оплачивают ведь адвокаты.

– А вдруг они вернут деньги не сразу? – возразила я.

Продержаться день в Лондоне мы собирались на жалованье Стивена; Топаз, конечно, рассчитывала отдать долг.

Билеты в конце концов взяли дешевые.

Стивен умолял меня быть внимательной на дороге, даже побежал за поездом, чтобы еще раз напомнить. Он с улыбкой махал нам вслед, но во взгляде сквозила грусть.

А ведь Стивен никогда не видел Лондона!

Стоило нам сойти в Кингз-Крипте с деревенского игрушечного паровозика и пересест в другой поезд, как атмосфера изменилась. Аромат провинции исчез, словно в лондонских вагонах хранился особый, столичный воздух. Здесь наши белые костюмы выглядели довольно странно, а когда мы очутились в Лондоне – прямо-таки эксцентрично. Люди всю на нас тарасились. Роуз сразу это заметила.

– Они от восхищения, – попыталась я утешить сестру.

Честно говоря, по сравнению с нашими костюмчиками однообразная одежда других женщин действительно смотрелась уныло.

– Мы ужасно выделяемся, – пылая от стыда, пробормотала Роуз.

Знала бы бедняжка, сколько внимания нам перепадет на обратном пути домой!

Последний раз мы ездили в Лондон три года назад. В городе мы, конечно, не ориентировались; вчера я впервые прогулялась по Сити. Чудесный район! Особенно магазины канцтоваров. Бродила бы по ним и бродила! А Роуз считает, что это самые скучные магазины в мире, скучнее только мясные лавки. (Не замечала скуки в мясных лавках; по-моему, они насквозь пропитаны ужасом.)

Мы постоянно сворачивали не туда, приходилось то и дело спрашивать дорогу у полицейских. Те как один были дружелюбны и держались по-отечески. Один любезно остановил для нас поток машин, и кто-то из таксистов громко причмокнул Роуз вслед.

Адвокат представлялся мне стариком, а юридическая контора – обшарпанной, сумрачной конурой. Как в романах Диккенса. Ничего подобного мы не увидели! В приемной нас встретил молодой человек с прилизанными волосами.

– Сумеете добраться до Челси на автобусе? – спросил он.

– Нет, – быстро ответила Роуз.

– Хорошо, – кивнул клерк. – Возьмите такси.

Я сказала, что у нас не хватает денег. Сестра густо покраснела. Коротко взглянув на нее, юноша ответил:

– Секундочку, – и вышел.

Вернулся он с четырьмя фунтами.

– Мистер Стивенидж говорит, этого хватит покрыть расходы на билеты, на такси до Челси, на такси до вокзала и даже на превосходный обед. Когда привезете ключ обратно, подпишете бумаги. Ясно?

Мы кивнули и ушли. Роуз не на шутку взбесилась от того, что никто серьезней клерка к нам даже выйти не соизволил.

– Какое неуважение к тете Миллисенте! – возмущалась она. – Ведут себя так, словно мы – пустое место!

А мне с четырьмя фунтами в кармане было все равно, пустое я место или полное.

– Давай поедем на автобусе. Сэкономим, – предложила я.

Но сестра отказалась: ей надоело, что на нас пялятся.

– Наверное, во всем Лондоне нет больше ни одной девушки в белом!

– Запрыгивайте, снежинки! – весело крикнул из автобуса кондуктор.

И Роуз с надменным видом окликнула такси.

Пруд в маленьком, выложенном плиткой саду был сух. Я вспомнила о золотых рыбках: только бы они попали в хорошие руки!

Мы вошли в дом через парадный вход и захлопнули за собой дверь. Сияющий дневной свет остался за порогом. Вид пустого холла меня удивил; я еще не поняла, что мебель вывезли.

– Как-то странно... – сказала я.

– Просто холодно, – отозвалась Роуз. – Полагаю, одежда в спальне. Интересно, она там и умерла?

По-моему, интересоваться такими вещами вслух бестактно.

По пути наверх мы заглянули в ярко озаренную солнцем гостиную. Из двух больших окон открывался вид на Темзу. Когда я была у тетушки в последний раз на званом вечере, тут горело множество свечей. В тот день мы познакомилась с Топаз. Тогда ее портрет кисти Макморриса только выставили в галерее, и тетя пожелала увидеть натурщицу. Топаз явилась в том же наряде, что и на картине: в голубом платье и великолепном нефритовом колье (Макморрис одолжил). Помню, меня поразили ее длинные, струящиеся по спине, белокурые волосы. Отец весь вечер лишь с ней и разговаривал, а тетушка Миллисента, облаченная в черный бархатный костюм и длинный кружевной шарф, метала на него гневные взгляды.

В большой спальне ничего не оказалось. Я облегченно вздохнула. Не знаю почему: вроде дух смерти там не витал – просто холодная пустая комната. Груды одежды и два старых кожаных чемодана мы нашли на полу в тесной сумрачной гардеробной. Зеленые жалюзи на окне не поднимались: шнур был оборван; кое-как удалось повернуть планки.

Поверх одной из стопок лежал черный армейский плащ. Как я боялась его в детстве! Он напоминал мне одеяние ведьм. Меня снова обуял ужас, хотя и по другому поводу: плащ и прочая одежда представлялись мне частью покойницы.

– Роуз, я не могу к этому прикоснуться, – пробормотала я.

– А придется, – ответила сестра и принялась деловито перебирать вещи.

Если бы мы любили бедную тетушку Миллисенту, то, наверное, отнесли бы к ее одежде с ностальгической нежностью. Окажись ее наряды изящными и женственными, разбирать их, наверное, было бы не столь противно. К сожалению, основной гардероб составляли тяжелые темные пальто и юбки плюс толстое шерстяное белье. Больше всего меня угнетали бесконечные ряды старушечьих туфель, натянутых на деревянные распорки. Точь-в-точь мертвые ноги!

– Тут уйма льняных носовых платков, – сообщила Роуз. – Ну, хоть что-то...

Однако носовые платки, а равно перчатки, чулки и жуткая пара изломанных корсетов внушали мне омерзение.

– Нужно хоронить одежду с покойниками, – заметила я. – Чтобы никто ее потом с презрением не перебирал.

– А я и не перебираю ее с презрением, – возразила сестра. – Некоторые костюмы сшиты из превосходной ткани.

Только вещи она запихивала в чемоданы небрежно, без особого почтения. Пересилив себя, я вытащила все обратно и сложила аккуратнее. Призрак тетушки Миллисенты облегченно вздохнул.

– Она строго следила за гардеробом. Чтобы все было почищено, отутюжено, – напомнила я.

– Да какая ей теперь разница! – фыркнула Роуз.

И тут на лестнице послышались шаги...

Душа у меня ушла в пятки, язык прилип к гортани. Я в ужасе смотрела на сестру.

– Да не она это, не она, – тихо просипела Роуз, – Кассандра... это не она.

Но по глазам я видела: думаем мы об одном и том же. Разумеется, ей тоже было жутко в мрачном пустынном особняке. Я знала, что небрежное обращение с одеждой – просто бравлада. Только не догадывалась, что шаги напугали Роуз куда сильнее, чем меня. Она-то сразу сообразила: если на лестнице не покойная хозяйка, то скорее всего бродяга, таившийся в подвале, – нас он, конечно, прикончит, а трупы спрячет в чемоданы.

О чудесная, храбрая Роуз! Превозмогая страх, она резко распахнула дверь и выпалила:

– Кто здесь?!

В коридоре стоял клерк из юридической конторы.

– Как вы смеете, как вы смеете?! – яростно закричала она. – Прокрадываетесь в дом, до смерти пугаете мою сестренку...

– Роуз, не надо... – пролепетала я.

Бедняга рассыпался в извинениях.

– Я хотел как лучше... – виновато проговорил он, протягивая Роуз письмо.

Она пробежала его глазами.

– Но мы не можем столько заплатить!

Я выхватила у нее листок. Речь шла об оплате за хранение мехов.

– Вам и не нужно ничего платить, я все уладил по телефону, – объяснил клерк. – Как душеприказчики вашей тети, мы получаем ее счета и чеки. Ясно? Письмо принесли рано утром, до вашего прихода, но я не успел его прочитать. Меха теперь тоже принадлежат вам.

– Тетя Миллисента не носила меха, – заметила я, – и всегда выступала против жестокого обращения с животными.

Тут я ее полностью поддерживала.

– Тем не менее меха ее, – ответил он, – жестоко это или нет. Советую вам заскочить в хранилище. Они ведь стоят денег.

Я вновь перечитала письмо; какие именно меха, там не уточнялось.

– Наверное, хорошие, раз она столько тратила на хранилище, – добавил клерк. – Предлагаю сдать тряпки в камеру хранения. Пока я повезу чемоданы на вокзал, вы сбегаете за мехами. Ясно? Только пакуйте быстрее.

Мы торопливо затолкали одежду в чемоданы (стыдно сказать, но я напрочь забыла о мертвых чувствах тетушки Миллисенты). Клерк и поджидавший его таксист отнесли багаж в машину, а нам поймали другое такси.

– К сожалению, поехать с вами не могу, хоть и рад бы, – сказал молодой человек, – к трем мне нужно в суд.

Пусть волосы бедняги блестели от жира, а лицо усеивали прыщи, сердце у него было золотое! Роуз, очевидно, тоже тронула доброта юноши: высунувшись из окошка такси, она извинилась за недавнюю несдержанность.

– Ничего страшного. Я бы тоже испугался, – с улыбкой ответил он, а потом вслед крикнул: – Надеюсь, вас ждут соболя!

Мы тоже на это надеялись.

– Меха явно новые... По крайней мере, когда мы общались, их у нее не было, – задумчиво сказала Роуз. – Наверное, с возрастом равнодушия прибавляется, а принципов убавляется.

– Может, там обычный кролик? – решила я немного спустить нас с небес на землю.

Правда, мне и самой не верилось, что тетушка носила дешевку.

Такси остановилось у чудесного магазина. В жизни бы не отважилась заглянуть туда просто так! Мы прошли через отдел с перчатками и чулками, украшенный прелестными вещичками из других отделов. Флакончики духов, стеклянное дерево с вишенками, веточка белого коралла на шифоновом шарфе цвета морской волны... До чего же искусно все было подобрано! Наверное, богатым людям при виде такого великолепия сразу хочется сорить деньгами направо и налево.

Светло-серые ковры пружинили, точно мох, а в воздухе витал аромат колокольчиков, только более насыщенный и сильный, чем естественный цветочный запах.

– Чем же все-таки пахнет? – заинтересовалась я.

– Раем, – мечтательно вздохнула Роуз.

В меховом отделе тоже стоял приятный аромат духов, да и шкурки, разложенные по атласным диванам, пахли чудесно. Куда ни глянь – всюду мех: темно-коричневый, золотисто-коричневый, серебристый... По залу, кутаясь в горностаевую пелерину, с изящной муфточкой в руках, прохаживалась молодая красивая манекенщица в воздушном розовом платье.

К нам подошла женщина с голубовато-белыми волосами и, осведомившись, чем может помочь, забрала квитанцию. Спустя какое-то время двое мужчин в белых халатах вынесли тетины вещи и бросили их на диван. Мы развернули «трофеи». Нам достались две очень длинные шубы (одна – черная лохматая, другая – гладкая коричневая), короткий черный приталенный жакет с «ветчинными» рукавами и большая меховая полость, отороченная зеленым войлоком.

– Это из каких животных? – ахнула я.

Осторожно осмотрев вещи, беловолосая женщина определила, что коричневая шуба из бобра, а короткий черный жакет с рыжеватым подшерстком – из котика. Из чего полость, выяснить не удалось. (По-моему, точь-в-точь шерстка колли!) Роуз примерила длиннющую лохматую шубу.

– Ты в ней похожа на медведя, – прыснула я.

– Это и есть медведь, – кивнула беловолосая.

– Господи! Должно быть, ее носил кучер!

– Погоди, тут что-то в кармане, – сказала Роуз, извлекая листок бумаги.

«1.20 – встретить хозяйку с поезда, 3.00 – отвезти мисс Милли в танцкласс, 6.00 – отвезти молодых леди в Грэйндж».

Тетушка Миллисента – самая младшая сестра дедушки по отцу... Мисс Милли... Меха принадлежали ее матери!

– Боже мой, Роуз! – вскричала я. – Их носила еще прабабушка!

К нам вышел кто-то вроде управляющего. Мы спросили его, есть ли здесь что-нибудь ценное.

– Бобра нынче днем с огнем не найти, – сказал он, – но вряд ли вы много за него выручите. Мех сейчас обрабатывается по-другому. Эта шуба просто неподъемна.

Магазин ношенные вещи не принимал; где их можно продать, тут тоже не знали. Искать покупателей, конечно, следовало в Лондоне. Мы решили посоветоваться с Топаз, а меха пока оставить в хранилище. Однако управляющий предупредил, что за дальнейшее хранение придет новый счет, – вдруг душеприказчики тети не пожелают его оплачивать? Пришлось тащить

шубы с собой. Расписавшись в бумагах, мы подхватили вещи и побрели к выходу. По пути заглянули под арку в чудесный отдел, через который вначале прошли в магазин. Элегантная женщина в строгом черном костюме примеряла светло-голубые замшевые перчатки; ее простой наряд привел Роуз в восторг.

– Вот так и следует одеваться, – шепнула она мне.

Мы замороженно рассматривали духи, чулки и прочие прекрасные вещи. На наших глазах одна из покупательниц приобрела дюжину шелковых чулок!

Наконец я сказала:

– Мы похожи на Аба. Он так же глазееет на порхающих за окном птиц. Еще немного – и тоскливо замаячим.

Роуз сравнение понравилось. Именно это, по ее словам, она и чувствовала.

– Давай побродим по магазину, раз уж мы тут, – предложила я.

Сестра напомнила, что с ворохом неподъемного меха далеко не уйдешь. Сунув голову под арку, я напоследок глубоко вдохнула колокольчиковый запах, и мы вышли в главную дверь; та мгновенно захлопнулась за нашими спинами.

Роуз хотела отвезти меха на такси напрямик в Сити, но ни одной машины в поле зрения не было. Я же умирала от голода, а потому уговорила сестру сначала поесть. Мы поковыляли на Оксфорд-стрит (меха действительно весили тонну); нам приглянулся ресторан с аккуратными столиками и наборами для специй на белоснежных скатертях.

За столом еле устроились. Сложили шубы на стульях, сели сверху – высоко: ни до пола не дотянешься, ни до тарелок. Мучились, мучились... И так неудобно, и эдак. В конце концов бросили вещи под стол, что явно не обрадовало официантку. И все же место мне понравилось. Большинство посетителей выглядели на редкость безобразно, но блюда оказались выше всяких похвал. Заказали жареную курицу (крылышки за два шиллинга), двойную порцию хлебного соуса (на каждую), по порции овощей, пудинг с патокой и чудесный кофе с молоком – наелись до отвала.

Время близилось к четверем.

– Лондон толком и не увидели, – вздохнула я уже в такси по дороге в юридическую контору.

Роуз ответила, что ничего не захотела бы тут осматривать даже без тяжелых мехов: какое удовольствие бродить по столице в дурацком наряде? И умолкла. Надолго.

Не вытерпев, я поинтересовалась, чем заняты ее мысли.

– Молила Бога послать мне красивый черный костюм.

Наш приятель-клерк покотился от хохота при виде мехов, но затем посочувствовал:

– Да уж, чертовски досадно!

Бобровая шуба, по его мнению, представляла собой дорожное мужское пальто (даже ему оно оказалось велико): мех – внутренняя сторона, шотландка – наружная. Клерк угостил нас чаем и дал каждой по паре печений с изюмом. Печенья мы положили в конверт, решив съесть в дороге, – уж очень сытно пообедали.

На вокзале, выдавая нам из камеры хранения багаж, служащий поинтересовался, не спрятаны ли в чемоданах трупы. Тогда Роуз и призналась мне в своих страхах – что трупы там могли лежать наши.

В купе мы ехали одни. Когда после захода солнца похолодало, я надела бобровое пальто мехом внутрь. Какое же оно было теплое! В отличие от одежды тетушки Миллисенты меха меня ни капельки не пугали, хотя я знала, что их носили мертвые ныне люди; в шубки я почти влюбилась. Странно, правда? Кутаясь в уютный бобровый мех, я долго об этом размышляла. По-моему, разница между мехами и одеждой такая же, как между прекрасными старыми могилами и свежерырытыми ямами, разверстыми в ожидании гробов (даже смотреть на них не могу!). Очевидно, время постепенно превращает безобразие и ужас смерти в красоту...

Год назад я непременно изложила бы свою мысль в стихах. Вчера же только зря промучилась. Нет, в голове вертелись складные строчки, но кроме рифмы и ритма ничего в них не было – как и в прежних моих стихах.

Хотя я чуть не прыгала от радости, когда удавалось что-то сочинить. Сейчас мне этого очень не хватает.

Откинувшись на спинку, я прикрыла глаза. Перед мысленным взором закружил прошедший день. Картинки будто отпечатались на веках: Сити, поток машин, ослепительные, перетекающие одна в другую витрины магазинов... Из вереницы недавних событий мозг сам выхватил самые яркие эпизоды. Сегодня все явно крутилось вокруг одежды: белые костюмы ранним утром, наблюдения за лондонской модой днем, затем несчастная мертвая одежда тетушки Миллисенты, изысканные магазинные наряды и, наконец, меха. Удивительно, до чего важна для женщин одежда! Что в прошлом, что в настоящем. Мне вспомнились норманнские дамы, обитавшие в крепости Вильмотт; дамы эпохи Плантагенетов, прогуливавшиеся по галереям замка Годсенд; дамы эпохи Стюартов – современницы нашего дома. Вспомнились фижмы, кринолины, турнюры, платья эпохи Джейн Остен. И тоскливый взгляд Роуз при виде элегантного черного костюма. Сколько глубоких, философских дум я передумала на эту тему! И вдруг мысли растаяли без следа. Похоже, мне все приснилось...

Я как раз рассматривала белую веточку коралла на шифоновом шарфе цвета морской волны, когда сестра начала меня будить.

Пришло время пересадки. Пальто я сняла: и фасон странноватый, да еще подол по земле волочится. Сразу стало холодно. С какой радостью я уселась в наш маленький поезд и вновь закуталась в теплый мех! Роуз надела кучерскую шубу, и мы высунулись в окно, вдыхая изумительный сельский запах. Жаль, замечаешь его только после поездки в город. Молча глядя в черноту за стеклом, мы жевали печенье с изюмом; одно я припасла для Стивена (он собирался встретить нас на повозке мистера Стеббинса).

Тут все и произошло.

На станции в Литтл-Лимпинг я выглянула наружу, опасаясь, как бы из багажного вагона по ошибке не выгрузили наши чемоданы (начальник станции немного глуповат). Меньше чем в шести ярдах от меня в дверях поезда стоял Саймон Коттон! В слабом мерцании станционных фонарей его волосы и борода казались черными-пречерными, а кожа очень бледной. Быстро скользнув по нему взглядом, я почему-то успела заметить под усами «голый» рот.

Торопливо нырнув обратно, я окликнула Роуз. На раздумья у нас оставалось минут десять: до Скоутни пять миль, а поезд ползет, как улитка. Нет, мне требовалось больше времени! Рассказать сестре о нелестных отзывах Коттонов в ее адрес или не стоит? Вдруг промолчу, а она снова поведет себя глупо?

– Не нужно с ними особенно любезничать, – сказала я, приглаживая волосы перед зеркалом, по обе стороны которого висели фотографии Нориджского собора и ярмутского пляжа.

– Любезничать? Думаешь, я с ними заговорю после того, как они нас игнорировали?

– Ну поздороваться-то придется. Холодно оброним «добрый вечер» и гордо прошествуем дальше.

Роуз, усмехнувшись, ответила, что в наших нарядах да еще с рулонами мехов гордо шествовать невозможно – лучше спрыгнуть, едва поезд остановится, и сразу мчаться прочь от перрона, пока Коттоны нас не заметили.

– С багажом далеко не умчишься, – заметила я. – Слушай, а давай выберемся на противоположную сторону и пойдем вдоль состава к багажному вагону! Коттоны тем временем уедут домой.

Сестре мой блестящий план понравился. Шубы решили не снимать: в них легче слиться с темнотой; даже если Коттоны обернутся, пока мы будем получать багаж, то не заметят нас в конце платформы.

Свои яркие волосы Роуз спрятала под огромный медвежий воротник.

– Надеюсь, пока мы дойдем до хвоста, встречного поезда не будет, – сказала я.

Впрочем, поздним вечером поезда ходят редко, притом с черепашьей скоростью.

– Да эти крохотные паровозики одной рукой можно остановить, – фыркнула сестра.

Я накинула на плечи лохматую, точно шотландская овчарка, полость; Роуз достался котиковый жакет. Едва поезд остановился, мы выпрыгнули из вагона. Кто бы знал, до чего трудно передвигаться в мехах! Даже подол не поднимешь. Так, спотыкаясь, мы и брели в конец перрона. Керосиновые лампы светили еле-еле, а у багажного вагона их вообще не было. Дотянуться до двери со своей стороны не получилось, пришлось карабкаться на платформу. Караульного в вагоне мы не увидели, спустить багаж оказалось некому. В таких случаях обычно помогает начальник станции, по совместительству контролер, но он наверняка отправился провозать Коттонов.

– Делать нечего. Управимся сами, – вздохнула я.

В вагоне стоял полумрак; еле отыскали наш багаж – Роуз заметила его в дальнем углу, за высокими бидонами с молоком. Пробираясь к чемоданам, под крошечным газовым фонарем мы увидели большой ящик с надписью: «Коттон, Скоутни, Саффолк».

Роуз ахнула. Спустя миг с перрона донеслись голоса – к вагону кто-то приближался. Мы бросились к выходу.

Поздно!

– Прячемся за чемоданы, – велела сестра. – Быстрее...

Будь у меня хоть немного времени, я бы попыталась ее отговорить – объяснила бы, как глупо выйдет, если нас обнаружат... Но она уже скрючилась за багажом. Пришлось скрючиться и мне.

– Тут нас не найдут, – шепнула Роуз.

И правда, может, обойдется? Чемоданы высокие, свет слабый, причем от нашего угла далеко.

– Только пригнись ниже, – посоветовала я. – Твой чемодан поменьше.

– Ну что вы, сэр, мы сами управимся! – сказал мужской голос – явно не начальника станции. Значит, возвращался караульный.

– Я помогу, – возразил Нейл, запрыгивая в вагон. – О господи!.. – внезапно закричал Коттон и выскочил обратно.

Двери с грохотом захлопнулись; от мощного удара газовая горелка разбилась, вагон окутала полная темнота.

– Что такое? В чем дело?! – закричал Саймон Коттон.

Ответ Нейла разобрать не удалось, донесся лишь громкий хохот караульного:

– Ха-ха-ха! Отличная шутка!

– Роуз, нас заметили! – в отчаянии прошептала я.

– Чепуха! Зачем ему нас запирать? – отозвалась сестра. – Нет, тут другое. Тихо! Слышишь?

Я осторожно приподняла голову. В сумраке тускло светился квадрат приоткрытого окна.

– Нейл, ты рехнулся! – воскликнул старший брат.

– Я уверен на все сто!

– Идемте, сэр... – встрял караульный. – Я всю дорогу сидел в этом вагоне!

– Но вы оставили дверь нараспашку.

В темноте шевельнулась смутная тень Роуз – сестра встревоженно выглянула из-за чемодана.

– Что здесь такое? – в отчаянии прошептала она.

– Ш-ш-ш, тише, – скомандовала я, напрягая слух.

Этот миг мне не забыть, наверное, до конца своих дней: звезды в проеме окна, бусинка света над разбитым плафоном газовой лампы, запах несвежего молока и рыбы...

Саймон тем временем объявил, что принесет из машины фонарь.

– Скажи матери, чтобы заперла двери и никуда не выходила! – прокричал вслед младший брат.

Роуз осторожно поползла к окну, но по пути зацепила бидон; тот глухо звякнул.

Караульный присвистнул:

– Похоже, вы правы, сэр!

– Еще бы не прав, – отозвался Нейл. – Сколько я их кормил в Йеллоустонском парке!

Тут меня озарило.

– Роуз! – прошептала я. – Тебя приняли за медведя.

Сестра охнула.

– Придурок, вот придурок!

Снова клацнул молочный бидон.

– Ну, на семь восьмых ты сейчас действительно медведь. А в Кингз-Крипте гастролирует цирк, палатки раскинуты неподалеку от железной дороги. Коттоны наверняка их заметили.

Меня разобрал смех. Услышав, как Роуз пытается открыть двери в дальнем конце вагона, я быстро умолкла. Створка отъехала в сторону, на фоне звездного неба возник черный силуэт сестры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.